

ПУСТОШИ АЛЬТЕРРЫ

КНИГА 4

Пустоши Альтерры

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры. Книга 4

«ИП Головин»

2026

Казанцев А.

Пустоши Альтерры. Книга 4 / А. Казанцев — «ИП Головин»,
2026 — (Пустоши Альтерры)

После битвы броневик Мрака уносится в Пустошь с тварями на хвосте, заклинивший на третьей передаче без возможности оторваться. Илья затерялся в стае кровавой Баронессы в попытке заново найти место в пыльном мире. А Пустошь тем временем сходит с ума, разрушая привычный порядок вещей и людям сполна придется выхлебать кашу, которую они заварили.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры

Книга 4

Глава 1

Погоня

Пыльная полоса тянулась позади, и за ней цеплялись тени. Туман лип к броневнику, как мокрая марля к свежей ране. Восемь часов без сна. Погоня держала ровный ритм, неумолимый, словно часовой механизм.

В кабине слова давно иссякли. Новости рассказаны, развилки обговорены, призрачные выходы отвергнуты. Остался только путь да надсадный вой двигателя в красной зоне. Коробку заклинило на третьей ещё в начале, и сколько Мрак ни дёргал рычаг, всё без толку.

Караванщик глянул в зеркало. Сзади тянулись чёрные силуэты, держались на той же дистанции.

– Не отстают. Солнце садится, а им нипочём.

Грач провёл пальцами по приборке, и панель дрожала в унисон с мотором.

– Думал, отвалят. Хрен там.

Мрак перевёл внимание на напарника. В тесной кабине, в этом надсадном гуле и дрожи железа Никиту легко было узнать: тот самый, с которым почти три года отпахали Пустошь. Нагловатый, с пацанским жаргоном на языке, но следом вдруг проскакивали точные слова, в которых слышалось образование и привычка думать шире, чем требует дорога.

И всё же сейчас в нём проступило новое. Мрак подметил это невольно, почти со злостью, и тут же отвёл мысль в сторону, вернувшись к зеркалу. Никита принял свою судьбу офицера Кодекса и, похоже, особо не жалел – по крайней мере на первый взгляд.

Анесса оторвала голову от коленей, лицо её побледнело.

– Мы ведь попытаемся прорваться?

Троица пыталась уже дважды. Мрак знал: стоит неудачно войти в поворот, завязнуть, и это конец. Завести машину уже не выйдет, останутся посреди пустоши. Потому и выбрали выжидать, да только ожидание затянулось.

Салон замолк. Ветер просвистывал в щелях, мотор работал на износ.

Мрак коротко указал на гранатомёт.

– Тянуть некуда. Полбарабана дым, остальное фугасы.

Грач склонился к прицелу, проверил рычаги, коснулся кнопки, перетянутой изолентой.

– Вон гряда, там песок плотнее. Сместимся – и рванём.

– Фугас в центр, дым по флангам, – уточнил Никита, снова проведя пальцами по спусковому. – Должно сработать.

– А если нет? – спросила Анесса ровно.

– Ну... – Грач не закончил.

Мрак вдавил стрелку тахометра в красную зону. Скорость приросла на пару километров, но важнее было не завязнуть в песке.

Рой заметил манёвр. Первые монстры вылетели из пыльной завесы, за ними хлынула река чёрных фигур. Дистанция таяла, в висках нарастал гул крови.

– Начал! – рявкнул Никита.

Фугас сорвался из трубы сухим хлопком. Вспышка пронзила пыль, броню встряхнуло, что-то впереди разлетелось на куски. Следом ушла дымовая, правый фланг накрыло облаком, и монстры растворились в серой толще.

Ещё хлопок. Впереди вспыхнула взвесь, силуэты отбросило вбок, новая завеса легла сверху, и мир превратился в молочное марево. Пауза так и не наступила: сквозь туман прорезалось движение. Одна из тварей прорвалась, вытянутая тень метнулась к кабине.

Мрак дёрнул руль, но броневик шёл в слепом коридоре. Всё случилось за миг, чужая масса летела прямо в лицо. Усталость взяла верх, и караванщик не успел увернуться.

– Пекло!

Удар пришёлся сбоку. Кабина содрогнулась, металл застонал, колёса на миг потеряли сцепление. Броневик занесло, подвеска взвыла. Внутри всё слилось в звон и скрежет, потом резкий хруст.

Мрак знал свой броневик до последнего винта, и этот треск говорил о худшем: лопнула тяга, рулевое теперь держалось на честном слове. Колесо ещё катилось, но каждый поворот грозил сорвать остатки, и тогда машина станет неуправляемой.

Караванщик держал руль крепко и мягко, миллиметр за миллиметром выжимая из броневика остатки послушания, возвращая его на прежнюю траекторию. Пятнадцать лет рейдов, опыт, вбитый в мышечную память, позволяли управлять машиной как собственным телом. Чутьё подсказывало, где можно отрулить, а где дать подвеске отыграть самой.

– Ходовая! – процедил он сквозь зубы, когда броневик дёрнулся и всё-таки взял старый курс.

Машина понеслась дальше, упрямо, с заклинившей коробкой и хрустящей подвеской, которая больше не позволит повернуть. Теперь дорога вела сама.

Мрак не смотрел на приборы, он считывал всё кожей. Топил и бился с железом, а стрелка скорости застыла чуть выше двадцати.

– Всё. Больше не выжмем.

За окнами пыль рвалась клочьями, в зеркале шевелился Рой. Он нагонял.

– Семьдесят метров, не больше, – отметил Грач, скользнув по зеркальцу. – Без дыма давно б сидели у нас на крыше.

– Что теперь? – сорвалось у Анессы. – Мы только глубже в ловушку залезли?

Мрак смотрел вперёд, потом тихо произнёс:

– Всё. Рулевая в клочья. Теперь только прямо, сколько сможем.

– Пададь, – пробормотал Грач.

– Пока движемся – живы, – жёстко отрезал Мрак.

– Может, ещё дыма дать? – спросил Грач. – Хоть миг выиграем.

– Последний остался, – покачал головой водитель.

Анесса поправила ремень и крепче прижала сумку.

– Двадцать пять... – негромко сказал Грач, глядя на спидометр. – Как у Вулканиса, помнишь?

– Было дело, – коротко ответил Мрак.

Броневик полз вперёд медленно, упорно. Рой смыкался, тени шагали почти вровень с бортами.

– Нагоняют.

Грач проверил патронник, рванул люк и, полуприсев, высунулся по пояс, без единого лишнего движения.

Выстрел. Гильза звякнула об броню, брызнула чёрная кровь. Тварь, шедшая вплотную, перелетела через морду, сбив ещё двоих. Грач захлопнул люк ровно в тот миг, когда следующая рухнула сверху. Быстрая, мелкая: когтями скребанула крышу и сорвалась вниз. Под колёсами хрустнуло.

– Минус две.

Так шло каждые несколько минут. Стоило очередной твари вырваться вперёд, Мрак командовал «Работай!», и Грач вскидывал винтовку, стрелял, снова захлопывал люк.

Минуты растянулись в вечность, сорок мучительных кругов секундной стрелки. Пустошь дрожала в мареве, горизонт расплывался. Машина стонала, но вдруг в пепельном закате прорезался силуэт.

Сначала виднелась дрожая линия, мираж над раскалённым камнем. Потом проявились очертания, похожие на стены, вывороченные пустыней наружу. Сквозь пыль проступала форма, напоминавшая руины. Мгновение казалось: древний форпост с башнями и укреплениями. Обман рассеивался с каждым метром. Перед ними зиял разрыв в каменной гряде, скала была разодрана, края торчали наружу неровными зубьями, истёртыми временем.

Мрак прищурился: объехать не выйдет, нагонят. Значит, судьба уготовила въехать в эту гряду.

– Туда, – сказал водитель, и прозвучало это велением судьбы.

Сбоку бросились новые твари. Одна ударилась о борт, оставила тёмную полосу, другая ушла под колёса, и корпус прошёл по ней катком.

– Работаем!

– Всё, нечем, – зло бросил Никита, отшвыривая бесполезную винтовку.

Скорость упала до пятнадцати. Броневи́к гремел на кочках, рычания в нём больше не осталось: теперь он стонал, выжимая из себя последние крохи. Всё, что мог отдать, давно осталось позади, теперь железные внутренности работали на износ, протаскивая машину вперёд лишь на маниакальном пристрастии Мрака к отличному состоянию техники.

Чёрные твари теснили со всех сторон: когти скребли по броне, удары били в корпус, и весь этот грохот сплетался с хрипом двигателя в один отчаянный хор.

Впереди зиял узкий разрыв между скалами. Снаружи солнце палило прямо в глаза, внутри пряталась непроглядная тьма. Никто не знал, что там: тупик, узкая выемка или каменная ловушка. Если это всего лишь игра света и тени, броневи́к разобьётся о скалы.

– Сейчас.

Выстрел гранатомёта ушёл по дуге, и узкое ущелье содрогнулось от взрыва. Пыль и каменная крошка взметнулись, передние твари разлетелись в стороны, одна взвилась вверх тряпичной куклой.

На миг дорога очистилась. Броневи́к, дрожа всем корпусом, вцепился в землю колёсами и рванул в разрыв, ныряя из ослепительного солнца в чёрный зев скал.

– Даю дым в створку, – произнёс Грач почти с облегчением, нажимая на спуск.

Щелчок, тишина. Затем глухой хлопок, будто кто-то саданул по бочке. Грач зло прошипел:

– Твою маааать...

Граната не вышла, но сработала, и из барабана повалил густой белый дым: обратно, прямо в лицо. Капот скрылся под клубящимися волнами белой стены, ветер захлестнул облако внутрь, забивая все щели.

– Видишь что-нибудь?! – крикнул Грач, вглядываясь в молочную кашу перед машиной.

– Нихрена, – процедил Мрак. Щурился, не отпуская руль ни на миг.

Броневи́к наощупь влетел в расщелину между чёрных скал. Каменные стены нависали с двух сторон и терялись наверху. Толчок: колёса глубоко увязли во что-то рыхлое. Броневи́к провалился в странную чёрную жижу. Ни песок, ни глина: плотная, маслянистая грязь, земля здесь смешалась с мазутом и прелым камнем. Скорость резко упала: десять, восемь. Двигатель захлёбывался.

– Жижа... – выдохнул караванщик и утопил педаль. – Тяни, зараза!

– Слева! – вдруг закричал Грач. – Что-то есть... сарай или хижина!

– Где?! – откликнулся Мрак, но уже и сам заметил, как между камней мелькнула ровная тень.

Грач быстро защёлкнул пряжку шлема и натянул его, проверяя лямки. Поднялся и упёрся спиной в полуоткрытый люк, правая рука легла на сечь, а пустую винтовку он давно пихнул Анессе.

Девушка сидела, склонив голову. Губы шевелились беззвучно: упрямая молитва, полная тихого надрыва.

– Метров сорок... – хрипло бросил караванщик, впиваясь глазами в странное укрытие, которое тут же скрылось под клубами удушливого дыма.

Дальше тянуть было некуда, выбора не оставалось. Мрак выхватил револьвер, тяжёлый, потёртый, но ещё верный, а в другую руку взял нож. Рывком распахнул дверцу и шагнул прямо в чёрную жижу. Под ногами чавкнуло, плотная слизь облепила обувь, глубина оказалась небольшой, по щиколотку, местами до икр.

– ВЫХОДИМ! – взревел Мрак, перекрывая гул двигателя и липкий туман ужаса. – БЫСТРО!

Грач уже был снаружи. Плащ мягко лёг на спину складками, лицо скрывал шлем без единого отблеска. Он шагнул вперёд, по колено в жиже, изготовившись к бою.

Мрак, захлёбываясь смрадом гари и слизи, обернулся к распахнутой двери:

– Давай! – рявкнул, протягивая руку внутрь и одновременно нашаривая под сиденьем рюкзака на самый крайний случай.

Анесса не стала спорить. Позволила вытянуть себя наружу и тут же увязла в болоте. Грач перехватил её под руку, удерживая на ходу, левой рукой закинул ей на плечо медицинскую сумку, а винтовку решили бросить: сейчас не до неё.

Броневики позади гудел умирающим животным. Белый дым ещё стлался вокруг, растекаясь по склонам и странной жиже. В этот миг судьба дала шанс, который выпадает раз на сотню. Дым скрыл машину и сбил тварей с толку. Хищники, полагавшиеся на нюх, дыхание и страх жертвы, вдруг ослепли.

– Вон туда! – резко бросил Мрак, разворачивая голову. – К укрытию, живо!

Слева, между камнями, угадывался вдавленный в склон контур. Возможно, брошенный фургон, может, контейнер. В любом случае, шанс.

Караванщик мёртвой хваткой схватил Анессу за запястье.

– Держитесь друг за друга! Бегом! – бросил он.

Шаги вязли в болоте, чавкая с каждым движением. Топь хватала за ноги, срывала обувь, засасывала подошвы. Связка из трёх человек не распадалась, они брели, соединённые общей волей.

Грач что-то услышал и остался последним, пятясь. Поворачивал корпус степенно, каждым нервом лоя приближение твари. Одна вынырнула из тумана, и офицер уже знал, куда бить: сместился на полшага вбок. Клинок рубанул вниз, с влажным хрустом отсекая лапы. Существо взвизгнуло, пыталось свернуть. Второй удар снизу вверх, сечь вошёл в брюхо и вышел между лопаток.

В болотном сумраке силуэты терялись, дым редел, воздух сгущался тяжёлой пеленой. Укрытие было настоящим. Сначала казалось просто тенью, затем проступили очертания: металлический корпус, побитый временем, покрытый пылью и шрамами ржавчины. Стальные стены целы. Ни щелей, ни окон, только глухие железные листы под слоем копоти.

Мрак первым подскочил к двери и дёрнул ручку. Металл жалобно скрипнул, но не поддался. Рванул ещё раз, бесполезно: замок приржавел, створка срослась с рамой. Караванщик впился пальцами в зазор, ещё рывок, раздался хруст, и дверь наконец поддалась в сторону.

Тем временем Грач прикрывал спину. Встал спиной к входу, выставив вперёд окровавленный клинок. Воздух вокруг дрожал. Из молочного тумана одна за другой выпрыгивали тени: чудовища чуяли близкую цель.

Новую тварь Грач встретил коротким выпадом. Шаг в сторону, бесшумный разрез по горлу, и существо захрипело и осело, добивать не пришлось, он закончил тем же плавным движением.

– Живо внутрь! – прокричал Мрак.

Дверь была распахнута. Грач отступил к входу и одним прыжком скользнул внутрь, чуть не поскользнувшись на мокром полу. Сразу за ним Мрак рывком втолкнул Анессу в проём, и Грач перехватил девушку за плечи, увлекая глубже в отсек. Караванщик лишь оглянулся и, вцепившись в створку, с силой захлопнул дверь. Железо сомкнулось с оглушительным скрежетом, отрезав от внешнего мира, и тьма поглотила всё.

Несколько мгновений слышно было лишь судорожное дыхание. Они заперлись в собственных гробах, и каждый ловил воздух ртом, боясь, что тот вот-вот закончится. Мрак нашупал внутренний засов и сдвинул, раздался тяжёлый железный лязг. Замок стал преградой между ними и Роем.

Анесса привалилась к стене и медленно сползла на пол, прижав руки к груди, пытаясь удержать внутри тянущий холодный страх. Снаружи раздался истошный вой, кто-то с рёвом метался у стен укрытия, царапая металл когтями: Рой не понимал, куда исчезла добыча.

Вслед за воем послышался новый звук, гулкий металлический грохот. Мрак похолодел: двигатель броневика всё ещё работал, и Рой нашёл новую цель.

– Наш броневик... – прошептала Анесса, с трудом сглотнув комок. – Они же его разорвут...

Никто не ответил. Снаружи доносились лишь уродливое чавканье да скрежет, будто чудовища выдирали из машины даже память о людях.

– Тихо, – отрезал Мрак.

Он не повысил голоса, но звук прорезал темноту, и все разом умолкли. Даже дыхание стало тише, осторожней.

– Свет есть?

В ответ что-то звякнуло: Грач нашупал в кармане старую зажигалку и передал вперёд.

– Держи.

Мрак чиркнул раз, пусто. Другой, и наконец вспыхнуло дрожащее жёлтое пламя. Слабый огонёк выхватил из угольной тьмы жуткую картину. В дальнем углу отсека, распластавшись по полу и стене, застыло нечто чёрное. Толстая изогнутая конечность упиралась в перегородку. Вытянутый силуэт, покрытый пепельно-серой коркой, напоминал уродливого таракана: с лишними сочленениями и переломанным хребтом.

– Твою ж... – Грач инстинктивно отпрянул к стене.

Анесса вскрикнула коротко, надтреснуто. Дрожащей ладонью зажала рот, глаза расширились до предела. Мрак уже вскинул револьвер. Рука не подвела, дыхание оставалось ровным, и он прицелился точно в центр этой мёртвой массы.

Грач двинулся вперёд бесшумно, будто вода. Пара шагов, и он заслонил товарищей от чудовища, но монстр не шевелился.

– ...стой, – выдохнула Анесса, но Мрак уже понял.

Грач замер, склонившись ближе и тыкая острием, осторожнее, чем при работе со взрывчаткой.

– Труп, – тихо подтвердил офицер Кодекса. – Давно высох.

Все разом выдохнули. В замкнутом пространстве этот вздох прозвучал взрывом.

– Чёрт... – Грач привалился к стене, ощущая, как сердце понемногу возвращается на место. – Штаны сушить теперь.

Мрак медленно опустил револьвер, не спуская глаз с омертвевшего чудовища. Пламя снизу освещало лицо, придавая ему потусторонний оттенок.

– Проверьте помещение, – бросил караванщик.

Жёлтый огонёк высвечивал лишь узкие полосы, но постепенно глаза привыкали. По бокам виднелись рёбра жёсткости, металлические ниши, крепления. Похоже на боевой отсек, только непривычно большой.

– Фура... – тихо пробормотал Мрак. – Странная.

– Шире обычной раза в два. И длиннее раза в четыре, – отозвался Грач, медленно ведя ладонью вдоль стен.

На дальней стене виднелись массивные створки. Мрак дёрнул ручку, не поддавшись.

– Заперто.

Вокруг снова воцарилась тишина. Огонь зажигалки трепетал на исходе горючего. Мрак отпустил кнопку, пламя дрогнуло и погасло, и темнота накрыла отсек без пощады.

За пределами укрытия что-то пронзительно зашипело, точно вспарывали брюхо. Вслед раздался хлопок, металлический, с глухим эхом. Из далёкого броневика вырвались пары пироцелия. Через миг послышался сбой мотора. И всё. Двигатель захлебнулся и стих, будто ему свернули шею.

Наступила тишина, настоящая: ни рёва, ни скрежета. Только чпок-чпок, хлюп-хлюп: десятки лап осторожно ощупывали жигу снаружи, коротко дёргались, глухо стучали когтями по пропитанной маслом грязи.

В отсеке все застыли.

– Вскрыли машину, как консерву, – прошептала Анесса.

– Шум пропал. Теперь будут искать, – так же тихо ответил Мрак.

– Но нас же не слышно? – Анесса старалась сдержать дрожь.

– Чуют что-то, – прошептал Грач из-под шлема.

Мрак молчал, и напряжение читалось даже в ровном дыхании, туго натянутая струна. Тварей больше ничто не отвлекало. Если хоть одна задержится у корпуса, учует вибрацию, дыхание или слабый запах...

– А если найдут?.. – едва слышно спросила Анесса. – Если...

– Створки надёжные, – жёстко оборвал Мрак.

Он пресекал панику.

В темноте казалось, отсек дышит вместе с ними. Стены постанывали под собственным весом. Где-то далеко за пределами хребта выл ветер, сюда он не добирался. Только чпок, хлюп да изредка скрежет когтя. А внутри трое. И страх сидел четвёртым, дышал с ними, слушал, ждал. Прошло несколько часов или больше, никто не знал. Время стало густым, каждая минута растягивалась.

Шлёпанье лап постепенно редело, затем стихло. Рой выдохся, тьма насытилась... никто не спешил верить.

– Ушли? – хрипло прошептала Анесса. – Они ушли?

– Не все, – ответил Мрак глухо. – Ждут.

Анесса крепче прижалась к нему, и только рука, обнимающая её плечи, напоминала: девушка не одна.

– Думаешь, большинство ушло за хребет? – вдруг спросил Грач, не отрываясь от двери. – Искать добычу снаружи?

– Скорее всего. Скучно им тут. Нужен шум, запах, цель. А мы... пропали.

– Они могут караулить? – прошептала Анесса, боясь представить такое.

– Могут. И караулят, – отозвался Мрак. – Пока кто-нибудь не шелохнётся.

Никто не знал точно, сколько прошло времени. В кромешной тьме часы потеряли смысл, и каждый сидел, застыв в янтаре страха.

Расположились на старых железных ящиках, ржавых, но ещё крепких. Снаружи вновь доносились остаточные звуки. Шлёп. Шкряб. Фыр-фыр.

Анесса съёжилась, плечи подрагивали вместе с каждым вздохом. Потом, не сказав ни слова, прижалась ближе к Мраку. Тот не отстранился, лишь обнял, просто был рядом в ожидании, когда мир снова тронется.

Девушка спрятала лицо у него на груди. Мрак глядел в темноту, не мигая. Глаза ничего не различали, но всё равно смотрел вперёд, туда, где начиналось будущее.

В противоположном конце отсека, прислонившись к стене, сидел Грач. Перед ним, в пределах руки, лежало оружие. Никита не двигался, лишь изредка склонял голову, прислушиваясь к тишине, да проверял дыханием, жив ли ещё. Шлем снял, но и без него лицо оставалось каменным.

Один раз Анесса вздрогнула: рядом послышался шаг. Мрак только крепче прижал её к себе и тихо сказал:

– Спи, если сможешь.

– А ты?

– Рядом буду.

И снова воцарилась тишина. Так прошла ночь без сна и покоя, только тусклое, упрямое существование в стальной коробке.

Они выстояли. Никто не произнёс это вслух, но все почувствовали: первая волна схлынула. Снаружи, по команде, раздалось новое шуршание, скрежет, хлюпанье. Но теперь в этих звуках не было ярости. Это была рутина: твари прочёсывали территорию, бродили, уже без прежней одержимости.

Мрак понял, что пересидели засаду, теперь твари действительно разбредались. Первый раунд остался за людьми.

Глава 2

Депю

Не имело значения, минули сутки или несколько часов. За стенами укрытия стоял ясный день, солнечный свет пробивался сквозь узкие щели. По яркости было понятно: полдень.

Мрак чиркнул зажигалкой. Маленькое пламя подняло в воздух кружащуюся пыль, выхватило из темноты рёбра металлических ферм, суровые стены и ряды ящиков, на которых они провели ночь.

Крышка первого ящика поддалась с трудом, со скрежетом сдвинув вековую ржавчину. Внутри лежала старая портативная горелка в потрёпанном кожухе, на вид целая. Рядом теснился мелкий скарб: жестяная миска, туго свёрнутый бинт, засохшая банка консервов, кусок грубой ткани. Всё покрывал толстый слой пыли.

– Горелка, – тихо произнёс Грач. – Топлива нет. Без масла бесполезна.

Осмотрев находку, Мрак погасил огонь, экономя горючее. Опустился на колени и двинулся вдоль стены, ощупывая углы и кромки. Первый ящик, второй, третий: везде холодный металл, вмятины, трещины. В четвёртом под пальцами оказалась мягкая упаковка, внутри что-то густо перекатывалось.

– Есть кое-что.

Нож уверенно надрезал край, и резкий запах прокисшего варева ударил в нос. Никто не стал уточнять, что именно было в упаковке. Мрак выдавил на ладонь пригоршню скользкой массы и растёр пальцами.

– Масло. Сгодится.

Размеренно и аккуратно смазал фитиль, втирая густую смесь, выдавил немного в бак. Щёлкнула кремнёвка, вспыхнула искра, после мгновенной паузы огонь занялся. Пламя получилось небольшим, свет мягко лёг на стены, отбрасывая глубокие тени. Напряжение внутри укрытия окончательно отпустило.

Мрак поднёс горелку к внутренней стенке.

– Гляньте.

На почерневшем металле под слоем копоти проступили выцветшие буквы и цифры: ЖД-0615.

– ЖД... – Анесса прищурилась. – Завод какой-нибудь? Жилищно... что?

Грач подошёл ближе, провёл пальцем по бледной краске. Заговорил тише, будто вспоминал что-то давно забытое:

– Нет. В архиве Кодекса видел похожее. Рисунки на пожелтевшей бумаге. Было время, когда по земле ходили стальные змеи. Без рулей, без колёс. – Офицер на мгновение замолчал, подбирая нужное слово. – Железная дорога.

– Дорога из железа... – Анесса покачала головой, снова всматриваясь в потускневшие буквы. – На дурной сон похоже.

– В старых легендах говорилось: она не петляет, идёт прямо от точки к точке, – задумчиво пробормотал Грач.

Мрак поморщился, пытаясь представить себе металлическую линию, протянутую сквозь камень и песок. Мысль казалась чужеродной, и караванчик вернулся к осмотру ящиков. Они продолжали перебирать содержимое, двигаясь неспешно.

Большая часть вещей давно превратилась в прах: обломки деталей, проржавевшие болты, тёмные лоскуты ткани рассыпались от малейшего прикосновения. Среди этого хлама Грач наткнулся на нечто иное. В глубине ящика лежал плотно запечатанный тубус, стянутый метал-

лическими лентами, а рядом кожаный планшет с качественным тиснением, говорившим о ценности вещи.

Они переглянулись. На рынке такая находка стоила бы целое состояние, но рынок был теперь так далёк, что сама мысль о сделке казалась нелепой шуткой.

Мрак провёл ладонью по гладкой коже, задержал пальцы на краю и указал на тубус.

– Сначала это.

Нож поддел застёжку, металл неохотно поддался с тихим скрипом. Из тубуса выскользнул свёрток ламинированного пергамента, туго стянутый проволокой. Развернули прямо на полу: перед ними предстала карта с потёртостями и пятнами времени, но линии ещё можно было разобрать, а среди извилистых очертаний скал темнела жирная точка.

– Карта... – тихо выдохнула Анесса.

Грач наклонился ближе, внимательно изучая изображение.

– Карта каньона. Мы, похоже, здесь, – офицер коснулся едва заметной точки. – А вот это – депо «5-РД».

– Далеко? – тихо спросила Анесса.

– Прилично. С Роем на хвосте даже Вулканис ближе покажется.

Воцарилось молчание. Все смотрели на тонкую зелёную нить, что вела сквозь прошлое и предлагала выход.

– Пойдём туда? – в голосе Анессы прозвучала сдержанная надежда.

Мрак прибавил пламя горелки.

– Деваться некуда. Но сначала осмотрим остальное.

В следующем ящике нашёлся обрывок бронеткани, будто вырезанный из старого жилета. Вся поверхность была испещрена разрывами и тёмными пятнами. Из-под ткани вывалилась металлическая фляга и покатила по полу. Звонкий стук разнёсся по отсеку, заставив всех вздрогнуть.

Анесса подняла пустую флягу, медленно поворачивая её в руках.

– Здесь кто-то бился?

– Без сомнений.

Следующий ящик преподнёс неожиданную находку. Под мутным исцарапанным стеклом лежала фотография, когда-то цветная, теперь почти выбеленная временем. На снимке стояло человек сорок в одинаковой форме, у одних фуражки, у других голые торсы. Молодые лица размылись, утратив черты. Позади виднелся такой же каркас с теми же бойницами. Внизу едва читалась процарапанная подпись: «ДМБ-2144».

– Что за... «дэм-бэ»? – нахмурилась Анесса.

– Команда? – предположил Грач. – Или шифр?

Мрак долго разглядывал выцветшее изображение. Не лица и не цифры: глубже, туда, где чужая жизнь вдруг касается твоей. Эти люди стояли на этом же месте, дышали этим же воздухом, а потом, возможно, здесь и остались.

– Они давно мертвы. Мы ещё нет.

Продолжили обыск спокойно и внимательно. В ящиках попадались металлические тубусы с выцветшими ярлыками, кожаные перчатки, вросшие в дно, пустые подсумки. Единственной пригодной вещью оказалось пончо: толстое, промасленное, с прорезями под ремни. Под слоем пыли ткань скрывала армированное волокно и металлические вставки в плечах и груди, будто шили для шрапнели. От пончо пахло старым маслом, глиной и временем, но внутри оно сохраняло ровное тепло.

Мрак укутал в находку Анессу. Девушка хотела возразить, но караванщик лишь спокойно посмотрел на неё, и этого оказалось достаточно.

– Случайный коготь не возьмёт.

В дальнем углу под обломками нашли два массивных стальных листа с ручками. Люки или щиты для бойниц. Углы остались ровными, а металл, хоть и исцарапанный, ржавчина пощадила. Грач и Мрак переглянулись. Щит вышел тяжёлым и неуклюжим, но надёжным. Никита примерил и отложил, слишком сковывало движения. Мрак же подхватил второй.

– Надолго не спасёт, – пробормотал караванщик, продевая руку в ручку. – С таким же говном в Краегоре бился... – Голос стал тише, ушёл в себя.

Невольно вспомнил про Илью. Жив ли парень или погиб вместе с остальными? Вроде бы слышал перестук двадцатки, когда они рванули к главной твари, но...

– Тебе подходит, – отбросил сомнения Грач.

Когда обыск подошёл к концу, в воздухе повис главный вопрос: как теперь выбираться. Спускаться обратно в болото было равносильно самоубийству. В полумраке под потолком виднелся квадратный люк, из щелей которого просачивался рассеянный свет.

– На крышу?

– Пожалуй.

Говорить много не хотелось.

Карту развернули ещё раз, тщательно разгладили углы и сверили линии с тем, что запомнили. Грач провёл пальцем по зелёной нити, отметив изгибы ущелья и жирную метку «ДЕПО 5-РД» в полутора километрах по прямой.

Пока Грач уточнял путь, Мрак занялся люком. Петли заржавели и закисло, крышка не поддавалась. Караванщик втирал масло в ось и стыки, примерился и несколько раз ударил по рычагу рукоятью ножа. Глухие удары отдавались в стенах, будто сердцебиение большого железного зверя. Шум был риском, но иного выхода не оставалось.

Ржавчина наконец сдалась. Рычаг дрогнул, крышка качнулась, щёлкнул замок, и тонкая щель впустила первый шёпот свободы.

– Готовьтесь. Выходим.

Мрак упёрся плечом и толкнул. Люк поддался, внутрь хлынул тусклый серый свет, густой и холодный, но достаточный, чтобы двигаться без риска.

Грач выбрался первым и растворился в ветре. Край плаща дрогнул, металлическая подкладка ответила сухим шорохом. Он пригнулся на крыше, огляделся, замер, затем посмотрел вниз и коротко махнул рукой: чисто.

Никита перехватил Анессу под локти, Мрак подтолкнул снизу, и девушка оказалась на крыше, прикрыв лицо рукавом от едкой пыли. Караванщик выбрался последним и плотно закрыл крышку за собой.

Анесса зажмурилась на миг, переводя дыхание.

– Смотрите... – выдохнула она.

Их бронефура оказалась не одинокой: впереди, насколько хватало глаз, тянулась цепь таких же бронированных остовов. Ржавые корпуса вросли в землю, на одних зияли пробоины, другие наполовину ушли в грунт. Сквозь пыльный свет проступала вереница мёртвых машин вдоль гребня скал, караван великанов застыл на полпути и обратился в камень.

– Не фургон, – тихо сказал Грач, прищурившись. – Целый состав.

– Мёртвый железный рейд, – откликнулся Мрак.

– И ведёт... – начал караванщик.

– ...туда же, куда и нам, – подхватил Грач и махнул вдоль гряды. – К депо.

– По крышам пойдём. В болоте тонуть не станем.

Двинулись цепочкой, пригнувшись, ступая по ржавым спинам забытых вагонов. Между остовами, над жадным омутом болота, держали равный шаг и тянулись вперёд в дрожащую дымку, к метке на карте и собственному выбору. Ветер таскал пыль, железо отзывалось коротким звоном, а под ногами скрипела вековая корка.

Смерть появлялась редко и без предупреждения. Приходила с шорохом, краем тени, движением, которое глаз замечает уже после.

Первый удар произошёл сбоку, из щели между двумя фурами. Мрак не успел увернуться полностью, повернулся на звук и подставил левое плечо. Глухой хруст отозвался болью под рёбрами.

Грач не подвёл. Пока тварь с сиплым рыком наваливалась на караванщика, клинок уже вошёл ей под череп, мгновенно погасив ярость. Одно точное движение, и тяжёлая туша обмякла без звука.

Вторая атака пришла сверху. Мрак снова оказался первым на пути, подставил щит и скользнул в сторону. Когти заскрежетали по металлу, в плечо вбило раскалённым клином, но он устоял. Обе атаки сдёрнули бы Анессу с узкой крыши, но Мрак встал стеной между ней и тварями.

– Держись рядом.

Анесса прижалась к его боку, понимая: силы у караванщика не бесконечны. Они продвигались от вагона к вагону, каждый следующий становился мостиком над чёрной пустотой. Девушка пару раз задержалась глазами на скелетах в проломах, потом встрепенулась:

– Может, заглянем внутрь? Поискать что-нибудь?..

– Некогда.

– Спустимся – потеряем обзор, – добавил Грач, оценивая следующий пролёт.

Они двигались по крышам размеренно, перепрыгивали узкие разрывы, цеплялись за перекосившиеся листы металла. Под ногами осыпались песок и ржавчина, отдельные плиты пружинили и скрипели. Ветер гонял пыль, щёлочь тянула горло, глаза слезились, но хлопанье кануло: болото осталось по ту сторону.

Постепенно впереди вырастала станция. В скале чернела арка портала, вход высотой в три человеческих роста. Каменные обрамления держались на честном слове, перроны сползли, рельсы переломаны и вросли в грунт. Всё укрыто пылью, но ещё держит форму. Тишина стояла глухая, мёртвая, и прямо у входа высилась громадная машина.

Ни окон, ни боковых дверей. Длинный корпус тянулся до самой стены, передняя часть уходила вперёд плотным носом. Металл казался цельным, без единого шва, и пыль ложилась ровной коркой, не находя себе рыжей пищи.

– Что за механизм... – офицер говорил вполголоса, но слова отдавались эхом под сводами.

– Это не фура... или фура, да не наша, – сказала Анесса, и под ногами у неё подрагивала платформа.

– Не для дорог. Что-то другое.

Мрак провёл ладонью по холодной поверхности. Пальцы вернулись пыльными и рыжими от ржавой крошки.

– Что бы ни было – шло первым. Тянуло остальных.

Тишина у входа липла к коже, плотная и тягучая. Пустошь затаилась, не отпуская, и это ощущение жгло затылок. В тот миг, когда чёрная арка выросла перед ними вплотную, воздух взорвался рёвом. Рой наконец учуял движение.

Сзади метнулась тень, следом ещё одна. По железу прокатилось скрежетание когтей. Пыльная равнина дрогнула, из-за вагонов, из провалов и тёмных нор полезли силуэты.

– Бегом! – рявкнул Мрак и первым спрыгнул с крыши на перрон.

Пыль взвилась столбом, когда тяжёлые сапоги грохнули по бетонным плитам. Прямо впереди высились массивные створки ворот, залепленные грязью и ржавчиной. Из полуразрушенных петель торчали погнутые обломки механизма, заклинившие створки намертво.

– Грач, держи жопу! – крикнул Мрак, всем телом наваливаясь на дверь.

Металл стонал и дрожал, но створки стояли. Мрак выругался, собрался с силами, поймал под ладонью мимолётную податливость, и снова ничего.

Из чёрного провала тоннеля на залитую тусклым светом платформу выползло нечто цепкое и жилистое. Грач сделал шаг навстречу, и тяжёлое тело твари, разрезанное по единой плавной дуге, отлетело назад, оставив на камне длинный маслянистый след.

– Здесь! – крик Анессы прозвучал как раз вовремя: ещё одна тёмная масса карабкалась на край платформы в нескольких шагах от них.

Весь мир сузился до острия клинка офицера Кодекса, до нескольких квадратных метров под ногами. Сталь в руке Никиты стала тёплой и послушной. Всплеск движения слева потребовал лёгкого манёвра, затем последовал точный скользящий удар, и существо бесшумно исчезло в пропасти. Почти сразу атака сверху: короткий блок, молниеносное движение, и ещё одно тело рухнуло вниз.

За спиной Мрак продолжал методично долбить по заклинившей двери, каждый удар отдавался в костях глухим эхом. Грач сменил хват, сбросил с клинка тёмную липкую жидкость, развернулся на подошвах, и сталь, свистнув, рассекла воздух и плоть.

Караванщик тяжело дышал, вжимаясь в неподатливые створки из последних сил. Каждое движение двери отзывалось в мышцах жгучей болью. Сквозь стиснутые зубы прозвучали слова, ровные и не допускающие возражений:

– Анесса, ищи лом. Трубу, рейку, что угодно. Быстро.

Девушка бросилась к грудам металлолома у ног. Пальцы скользили по ржавым обломкам и глине. Грязь приросла к ладоням, волосы прилипли ко лбу, дыхание сбивалось.

– Ничего нет! Один хлам!

– Ищи!

Грач один держал край платформы. Короткие, точные движения клинка рассекали воздух, но тени сгущались, напор нарастал с каждой секундой.

– Слишком много! Прямо сейчас, слышишь! – донеслось из-под шлема.

В тот же миг пальцы Анессы наткнулись на что-то твёрдое. Слои грязи осыпался, обнажив торчащий из пола конец арматурного прута. Она дёрнула раз, другой, металл заскрежетал и поддался, рассыпая ржавую труху.

– Нашла!

Мрак отступил от створок, перехватил лом и вогнал в узкую щель между дверями. Металл взвыл, створки дрогнули. Караванщик рыкнул, навалившись всем телом. Мускулы напряглись до предела, спина выгнулась под нагрузкой. Зубы скрипели, дыхание стало тяжёлым и хриплым.

– ДАВАЙ ЖЕ!

Правая створка с громким треском подалась, впереди зияла щель, узкая, но достаточная для прохода.

– Внутрь! – крикнул караванщик, подбирая щит.

Грач метнулся первым, лёгкий и стремительный. Анесса споткнулась о край платформы и ввалилась следом, рухнув на колени. Мрак подхватил её рывком и влетел последним. За спиной осталась узкая полоска света, у щели уже цеплялись когти, твари наваливались на створки, срывая чешуйки старого железа. Дверь была открыта, но ещё не заперта.

Мрак рванул металл на себя, пытаясь захлопнуть прямо перед когтистыми мордами. Одна из тварей успела просунуть в щель длинную костлявую лапу с крючковатыми когтями. Никита действовал молниеносно: сталь клинка сверкнула в полумраке короткой ясной дугой и рассекла хитиновую оболочку. Отсечённая лапа дёрнулась и замерла на пороге, сочась тёмной жидкостью.

Воспользовавшись моментом, Мрак вставил в скобы погнутый арматурный прут. Металл лязгнул, заняв место самодельного засова. Снаружи тут же раздался яростный гул, твари обрушились на преграду, но та пока держалась.

Внутри сомкнулась непроглядная тьма. Дверь содрогалась под ударами, долго такая защита не выстоит. Нужно было двигаться дальше, вглубь холодного ангара, уходя от безумного скрежета за спиной. Они рванули вперёд, и тьма поглотила их целиком. Времени зажигать свет не осталось, нужно было бежать.

Прут, петли или створка – уже не имело значения, что сдалось первым, но внутрь хлынули твари. Слепые, яростные, ведомые лишь чутьём. Их когти скребли по бетону, шипение разрывало тишину.

– Назад! – рявкнул Мрак, и щит встретил первый силуэт с глухим стуком.

Коридор был слишком узким для боя плечом к плечу. Грач резко отступил за спину караванщика, слившись с тенью. Мрак выставил щит вперёд, приняв весь напор на себя.

– Щит левее! – раздался резкий окрик Никиты из темноты.

– Ниже! – предупредил в следующий миг.

Как ориентировался Грач в непроглядной тьме, Мрак не знал, но послушно двигал тяжёлое укрепление, подставляя под удары, которые сам не видел. Они работали единым механизмом: слепой щит и зрячие глаза в темноте.

Анесса тем временем прижалась к холодной стене и пробиралась вперёд. Пальцы скользили по шершавому бетону, выискивая выступ, щель, любую возможность укрытия. Каждый шаг давался с трудом, страх сковывал ноги, а сзади доносились звуки яростной схватки. Она двигалась наощупь в кромешной тьме, надеясь отыскать дверь или хотя бы нишу, где можно переждать этот кошмар.

Мысли спутались, в висках отдавалась тупая дробь. «Не вижу, не вижу, не вижу», слова сливались с бешеным ритмом сердца. Под ладонью возникло нечто холодное и ребристое, совершенно чужеродное в этой каменной мгле. Пальцы скользнули по вертикальным швам, наткнулись на массивный круглый вентиль.

– Здесь! – крик прорвался сквозь шум схватки, сорвавшись с пересохших губ. – Вентиль! Тут дверь! Железная!

Ответа не последовало, лишь тяжёлый смачный удар из темноты и короткий обрывающийся визг от движения стали.

– Открывай! – проревел наконец Мрак, и в голосе впервые дрогнула привычная сталь.

Анесса изо всех сил налегла на неподатливый круг. Дверь не двигалась, вросла в камень намертво.

– Не могу!

– ТЯНИ, СЕСТРА! – Изменённый голос Грача проник в самое сердце.

«Сестра». Забытое слово, так её не называли слишком много лет, и эти два слога придали сил больше, чем любой приказ или страх смерти. Она вновь навалилась, упёрлась ногами в скользкий пол, и дрожь пробежала по мышцам. Металл ответил низким стоном, створка дрогнула и с протяжным скрежетом поддалась.

– Внутри! – Грач решительно втокнул обоих, безошибочно определив габариты.

Клинок мелькнул в узком проёме, отсекая когтистую морду, уже впившуюся в косяк. Они едва успели переступить порог, как дверь с тяжёлым окончательным лязгом захлопнулась за спинами. Снаружи тут же взвыли десятки глоток, застучали по металлу, но створки держались непоколебимо.

Тишина внутри была оглушительной, нарушаемой лишь хриплым дыханием. Воздух пах старым железом и вековой пылью. Похоже, они попали в нечто большее, чем простая комната. Это был шлюз. Массивный засов, холодный и неподвижный, ждал своего часа в глубокой темноте.

Как только поворот металла закрыл створку, все трое свалились на пол без сил, понимая: вновь переиграли судьбу.

Мрак аккуратно снял с плеч вещмешок, опасаясь повредить содержимое. На самом дне лежала недавно добытая лампа, тяжёлая, с корпусом в свежих вмятинах и царапинах после рубки с Роем. Караванщик едва заметно поморщился: в той бойне трофеей слишком легко мог достаться врагу.

Торопливо провернув вентиль, он высек искру старой зажигалкой, в тишине скрипнуло.
– Давай же...

Фитиль вспыхнул нехотя, пламя разгорелось дрожащим оранжевым язычком. Лампа ожила, разливая свет и доказывая, что уцелела не зря. Сияние дрогнуло на стенах, прогнало густую мглу и выхватило из темноты усталые лица спутников, заляпанные потом и пылью.

Даже этот слабый огонь резал глаза, тени метались по углам и прятались. Впереди коридор уходил в темноту и на двадцатом метре распался на два хода, молчаливая угрюмая развилка.

Грач стоял настороженно с оружием в руке, не доверяя ни свету, ни тишине. Анесса у стены поправляла пончо дрожащими пальцами, восстанавливая дыхание после бегства. В её глазах читались усталость и тихая надежда, что худшее позади.

– Где мы?

Мрак поднял лампу выше, и оранжевый свет скользнул по бетонным стенам с облупившейся краской, по истёртому покрытию под ногами. Ни мусора, ни свежих следов: место выглядело запечатанным много лет назад.

– Законсервировано. Сюда давно никто не заходил.

– Или заходил..., но не вышел, – тихо отозвался Грач и шагнул вперёд, готовый к бою.

Анесса подняла голову, взяв себя в руки:

– Что теперь? Куда?

Мрак задержался глазами на развилке, прищурился.

– Куда угодно. Только не назад.

Караванщик двинулся, и остальные последовали за ним. Каждый шаг отзывался тревогой, но вместе с ней теплилась крохотная искра надежды: шанс спастись, отсрочить смерть хотя бы ненадолго.

Лампа в руках Анессы плыла над отрядом, узкий клин света резал тьму впереди. Девушка держала источник света высоко и шла ровно, следя за каждым шагом, пока оранжевое сияние дробило темноту и заставляло тени сжиматься по углам.

Впереди двигались Мрак и Грач, держа выверенную дистанцию. Караванщик сместился левее: щит в одной руке, нож в другой, плечи поданы вперёд, пальцы на рукояти побелели. Офицер держал короткий сечь обратным хватом, движения оставались экономными и точными. Шаги совпадали, в этой слаженности слышался опыт множества боёв.

Минуты осторожного движения привели к очередному изгибу, за которым раскрылась огромная арка. В проёме чернел просторный зал с застоявшимся воздухом.

В дальнем углу, прислонившись спинами к панели управления, лежали двое истлевших скелетов. Плотная ткань формы почти исчезла, но знаки различия ещё читались: люди из одного звена.

Грач подошёл первым и наклонился над останками.

– Форма одинаковая. Один клан.

– Бойцы? – спросила Анесса, отворачиваясь.

Мрак опустил рядом и провёл пальцами по выцветшей эмблеме на груди одного из мёртвых.

– Похожи. Но не наши.

Грач осторожно коснулся металлического жетона на шее скелета.

- Лет сто, может, больше.
- Почему они умерли здесь? – спросила Анесса сорвавшимся голосом.
- Выхода не нашли. Или не смогли уйти.
- Анесса съёжилась, оглядывая зал.
- Значит... мы тоже в ловушке?
- В ловушке. Но конец будет другим, – спокойно ответил Мрак.

Грач выпрямился и обвёл глазами гигантскую диспетчерскую: глухие панели, мёртвые приборы.

- Дело было важное, раз они здесь засели. Надо понять, где мы. И найти выход.

Мрак поднялся и двинулся к следующему ряду приборов. Остальные пошли за ним бесшумно, осторожно, стараясь не тревожить покой тех, кто остался здесь навсегда. Несколько минут они методично осматривали зал: перелистывали гниющие папки, тянули за хрупкие кабели. Ничего живого. Только шелест пыли да колебание света.

Глава 3

Лики времени

Коридор снова раздвоился: один рукав уходил вверх, другой вниз, и сам комплекс будто предлагал выбор, в котором оба пути обещали мало хорошего. На стенах проступали выцветшие указатели, едва различимые под коркой пыли и времени.

Налево стрелка указывала: «Жилой модуль».

Направо: «Пищеблок».

Мрак коротко указал налево. Дверь поддалась не сразу, металл скрежетнул о направляющие, и наружу выдохнуло сухим, застоявшимся воздухом. Свет лампы разрезал тьму, и трое замерли на пороге.

Перед ними раскинулась бывшая казарма, ставшая склепом. Вдоль стен и в самом центре тянулись ровные, аккуратно сложенные ряды костей. Порядок, тишина, строгий ритуал. Каждая кость лежала на своём месте, каждый истлевший силуэт уложен чьей-то бережной рукой.

Мрак подошёл ближе и задержал луч на ближайшем ряду.

– Захоронение. Всё тщательно. Кто-то пережил остальных.

Грач медленно обвёл зал: на полу чёткие, повторяющиеся ряды, у стен те же.

– Долго держались. Хоронили, пока хватало сил.

Анесса стояла чуть позади, не в силах отвести глаз.

– Здесь были не только бойцы. Женщины, дети... Целое поселение.

Она склонила голову, и голос стал едва слышен:

– Посмотри, как уложены. Осторожно, бережно. Хотели, чтобы помнили.

– Пойдём, – негромко произнёс Грач.

Мрак очнулся от оцепенения и резко развернулся, махнув остальным. Они поспешили прочь, не оглядываясь, шаги отдавались гулом в пустых переходах, и с каждым метром стены будто подталкивали вперёд, не позволяя задержаться. Воздух густел, набирал вес, и от этого хотелось идти быстрее, лишь бы не дать памяти догнать.

Вскоре свет упёрся в массивную дверь с облупившейся надписью: «Пищеблок». Мрак глянул на Грача, и тот осторожно потянул створку двумя руками. Дверь поддалась нехотя, протяжно скрипя. Из щели потянуло сухим холодом, запахом старого железа и пыли. Свет пополз внутрь, разбивая сумрак на тусклые пласты, и трое на миг застыли на пороге.

Зал за дверью встретил их беспорядком, живым, близким, оттого почти кожей ощутимым. Столы валялись на боку, посуда хрустела под ботинками белыми ракушками, подносы были вмяты кулаками в мягкое олово. На стенах смазанные пятна ударов, на полу щепы, сломанные ножи, вырванные петли.

Среди обломков лежали десятки скелетов, там, где их оставила ругань и короткая ярость. Лохмотья кожаных курток с нашитыми пластинами, ремни, выцветшие повязки. На шеях кривые амулеты из костей и ржавых железок, звенья проволоки впились в истлевшие петли. В руках грубые ножи, топоры, заострённые прутья.

Грач присел, провёл ладонью по изорванной ткани и поднял голову:

– Не отсюда. Пустошники.

Мрак наклонился и поднял ржавый нож, лезвие держалось на тонкой корке окалины.

– Рейдеры.

Анесса опустилась рядом и вытянула из пыли амулет на проволоке. Тот глухо звякнул о её перчатку.

Грач указал на двоих у стены: кости переплелись, руки ещё держат железо. У одного нож вошёл меж рёбер, у второго топор застыл в шее первого.

– До конца бились.

Мрак оглядел зал: углы, где пряталась тишина, тени, которые никто уже не спугнёт. Пальцы на рукояти ножа побелели.

– Две группы. Люди комплекса и рейдеры.

Грач медленно вытер пыль с перчаток:

– Разное время, одно место. Рейдеры пришли сильно позже.

Они покинули искалеченную столовую в задумчивости, стараясь не встречаться с пустыми глазницами мертвецов, которые провожали их до порога. За дверь открылось просторное помещение без видимых выходов. В дальнем углу темнела огромная вертикальная шахта лифта, чёрный проём уходил вверх во тьму, свет упёрся в завал из балок и камня, в перекрученные направляющие.

– Завалена. Наверх не выбраться.

– Значит, тупик... – тихо выдохнула Анесса.

– Пока что тупик. Осмотримся, – спокойно поправил Мрак.

Они быстро разошлись по углам помещения, проверяя каждый закоулок: поднимали ржавые листы, отодвигали перекосившиеся стойки, заглядывали в ниши. Пыль поднималась облачками и садилась обратно на сапоги. Минуты спустя Анесса негромко окликнула:

– Сюда. Нашла кое-что.

Все подошли к ней и увидели две огромные цистерны, наполовину скрытые за перевернутыми столами и обломками мебели. Баки были доверху наполнены густой жижей, медленно колышущейся в свете лампы.

Мрак наклонился к ближайшей цистерне, выдернул пробку и осторожно втянул воздух.

– Тина. Гнилая.

Грач оглядел чернеющие у стены останки рейдеров: заскорузлые ремни, лохмотья, самодельные ножи в застывших ладонях.

– Последняя у них была. За неё и рубились. А досталась нам.

Мрак присел к одному из тел, осторожно разжал окостеневшие пальцы и вытащил из мёртвой хватки небольшой металлический сундучок. Проржавевший замок хрустнул, крышка поддалась. Внутри, запаянные в пластик, лежали порции белого порошка и несколько коричневых брусков.

– Сахар. Последний запас.

Анесса медленно выдохнула:

– Из-за этого? Они убивали друг друга из-за сахара?

– Когда ничего не остаётся, сахар дороже золота, – ровно ответил Грач.

Мрак на секунду задержался у мутных баков, потом резко обернулся к Анессе:

– Таблетки.

– Какие? – насторожилась она.

– С рынка. Перед рейдом на Рой.

Анесса нахмурилась, потом глаза расширились:

– Те самые? От которых я тебя отговаривала?

Мрак едва заметно дёрнул уголком рта:

– Они. Хлор и уголь. Прижмёт – очистим воду.

Грач обернулся, в интонации прозвучало облегчение:

– У тебя фильтрующие с собой?

– Взял про запас.

Грач коротко хмыкнул, напряжение в чертах спало:

– Тогда от жажды не подохнем.

Негромко переговариваясь, они вернулись к первой развилке и взяли левый коридор. Проход тянулся узкой полосой в глубину, уходил под едва заметный уклон. Темнота здесь была

тяжёлой. Блики пламени резали её неглубоко, оставляя по краям размытые тени, и тьма смыкалась за спинами, тянулась следом.

По обе стороны тянулись сплошные ряды технических дверей с выцветшими табличками. Шли осторожно: переступали через перекошенные рамы, перешагивали балки, старались не задевать свисающие кабели. Шаги отзывались гулом, и этот гул медленно зарастал безмолвием.

Коридор расширился, раскрыв новую площадку. Здесь, поперёк проёма, стояли огромные металлические ставни. На их матовой поверхности резало глаз одно пятно: белый череп, выведенный широкими мазками. Потёки тянулись вниз тонкими полосами.

У самых степен лежал человек. Сломанная маска, треснувший нагрудник, пыль, залётшая в швах одежды. Даже теперь в очертаниях угадывалась дисциплина: боец Кодекса. Мрак поднял лампу выше, медленно, чтобы не расплескать свет. Блик скользнул по неподвижному лицу под разбитым стеклом.

Анесса инстинктивно шагнула вперёд, протянула руку. Грач резким движением перехватил её за локоть, коротко, без грубости, но так, что спорить не хотелось.

– Стой, – тихо, но твёрдо сказал Грач.

Свет дрогнул, скользнул обратно к белому черепу, задержался на нём. Коридор снова стал совсем тихим, и тишина эта тоже смотрела на них.

Грач медленно наклонился, опустил лампу ближе к телу. Свет скользнул по поблекшей эмблеме на груди, по глубоким трещинам в бронепластинах. Всё вокруг застыло.

Он опустился на одно колено, не торопясь осмотрел корпус: разошедшиеся швы брони, поясной ремень. Вдруг заметил крошечную выпуклость у основания груди и осторожно провёл пальцем рядом.

– Тьма... – выдохнул почти беззвучно. – Заминирован.

Мрак нахмурился, не отрываясь от останков.

– Как это?

– Ну типа крайняя мера, – в ответе Никиты прорезались несерьёзные нотки. Он не любил правила Кодекса даже здесь. – Если не уверен, что спасут, но шансы есть – мина в грудь.

Грач наклонился ближе, изучая шлем. Металл местами вспух, покрылся пятнами старой окалины. Лобовая пластина вмята, но вырезанные руны подразделения всё ещё различимы. Офицер замер.

– Такой модели не видел ни у кого... Разве что в музее. В архиве Кодекса эти шлемы сняли с производства давно.

Грач долго вглядывался в останки. Блики скользили по броне, искривлённым пластинам нагрудника, треснувшему шлему. Кости мертвеца сжимали серую запаянную папку.

– Взведён, точно. – Офицер прищурился, оценивая разъеденный металл. – Хотя лет двадцать тут лежит, не меньше. Взрывчатка скорее всего сдохла.

Поднявшись, коротко глянул на Мрака и АнеССу:

– За угол. На всякий случай.

– Грач... – начала АнеССа, но офицер поднял ладонь, пресекая возражения.

Мрак протянул ему свой щит, Грач благодарно принял его и склонился к телу.

Металл тихо скрипнул под сапогом. Офицер поставил щит под углом, прикрылся почти полностью. Связал небольшое лассо, накинул на папку и медленно вытянул из окостеневших рук.

Кости посыпались пылью, будто мертвец закончил свою вахту, грудная клетка провалилась, послышался щелчок взрывателя и тишина. Ни вспышки, ни искры, ни запаха горелого.

– Чисто.

Приподнял находку над щитом, осмотрел при тусклом свете. Поверхность тускло поблёскивала: пластик древнего образца, маркировка Кодекса почти стёрта, но линии ещё читались.

Мрак и Анесса вышли из-за угла. Девушка смотрела настороженно, ждала подвоха.

– Что там? – спросила тихо.

Грач качнул головой:

– Папка целая. Без подсказки, без кода. Внутри что угодно – данные, карты, приказы.

Мрак нахмурился:

– Не успели доставить?

Грач сжал контейнер в руках:

– Может, знали, что всё кончено.

Решили ещё раз обойти комплекс, вдруг в спешке что-то упустили. По пути назад, тщательно исследуя стены, Мрак остановился и указал на панель чуть выше уровня глаз:

– Погодите... Гляньте.

Приблизившись, рассмотрели небольшую дверцу, почти незаметную под слоем грязи и пыли. Приоткрытая, она вела в низкий узкий проход, который в первый раз попросту не заметили.

– Куда ведёт? – с удивлением прошептала Анесса, вглядываясь в чёрный проём.

– Узнаем.

Мрак первым нагнулся и осторожно пролез внутрь. Проход оказался коротким и тесным, пришлось ползти почти на карачках. Наконец Мрак выбрался наружу и огляделся. Небольшая комната напоминала то ли караулку, то ли малый арсенал. По стенам висели пустые стойки для оружия, в углу стоял массивный оружейный шкаф, покрытый ржавчиной и пылью.

– О, это уже тема... – пробормотал Грач, подходя ближе и осторожно выдвигая один из ящичков стеллажа.

Большинство ящичков оказалось пустым. Кое-где валялись сгнившие приклады да ржавые обломки давно непригодного оружия. Грач угрюмо перебирал эти останки, когда носком сапога сдвинул деревянный ящик и замер.

– Э, сюда гляньте. – Офицер отодвинул трухлявые обломки. Под ними лежали два плотно закрытых металлических кейса, почти не тронутых временем.

– Открывай, – коротко приказал Мрак.

Грач аккуратно взломал проржавевшие замки. Подняв крышку первого кейса, увидели уложенные внутри стволы, покрытые густым слоем консервационной смазки. Оружие выглядело на удивление хорошо, ни пятнышка коррозии.

– Нормально так. – Грач бережно достал один ствол, осматривая. – Вот только патронов не видно.

– Проверь соседний, – напряжённо приказал Мрак.

Грач открыл второй ящик, ни единого патрона.

– Отлично... Оружие есть, а стрелять нечем, – раздражённо бросила Анесса.

Они быстро осмотрели оружие, убедившись, что боеприпасов действительно нет. Настроение снова упало: оружие без патронов, бесполезный груз. Уже собираясь уходить ни с чем, Грач краем глаза заметил в углу комнаты небольшой пыльный ящичек. Он отличался от остальных: матовый металл едва тронут ржавчиной, а на крышке проступали буквы «ХИС».

– Стоп, погодите... – прошептал Грач. Подойдя, он смахнул толстый слой пыли и осторожно открыл защёлки. Крышка заскрипела, но поддалась легко, явив содержимое.

Грач застыл на мгновение, затем тихо присвистнул.

– Чтоб я сдох...

– Что там? – напряжённо спросила Анесса, приблизившись.

– Химические источники света, – медленно произнёс Грач, не скрывая удивления. – Такие уже сто лет не делают. Пацаном видел одну палочку, и то у барыги-коллекционера за стеклом.

– ХИС? Что это вообще такое? – с недоверием спросила Анесса, пытаясь лучше разглядеть находку.

– Лампа без огня, – пояснил Грач. Он бережно вынул из ящика палочку. – Хрясь, и светится. Химия какая-то мешается внутри. Гореть нечему, кислород не нужен, вообще красота.

– Звучит как чудо, – хмыкнул Мрак, внимательно следя за руками Грача.

– Щас покажу, – усмехнулся тот и аккуратно переломил палочку. Секунду ничего не происходило, а потом комнату залило мягкое, успокаивающее зелёное сияние. У всех от изумления расширились глаза.

– Невероятно... – тихо выдохнула Анесса, завороченно глядя на светящуюся палочку. – Почему я о таких никогда не слышала?

– Да потому что не стреляет и не лечит, – ответил Грач, рассматривая ровный зелёный свет. – В Альтерре такое никому не упало.

Мрак осторожно взял одну из светящихся палочек, бережно, точно боялся спугнуть хрупкое нечто.

– Долго светит?

– Часа на три-четыре хватит, – ответил Грач и начал раздавать источники света товарищам. – Только когда сдохнут, новых не будет, так что не разбрасываемся.

– Забавно, – буркнул Мрак, убирая запасные палочки в сумку. – Грач, сколько бы дали за ящик, а? Можешь прикинуть?

– Слушай, нууу, – неуверенно протянул Никита, – да целый караван бы выручить можно. Встратый конечно, но пара грузовиков и багги точно.

– Так много? – отозвалась Анесса заинтересованно, в ней заиграла жилка торговли.

– Ну типа да, – отозвался Никита. – Редкость же, людям такое в падлу искать, а кто найдёт – озолотится.

– Экономить не будем, – решил Мрак, – используем по необходимости. Это всё мечты, а нам надо выбраться.

Остальные молча согласились. Переглянувшись, решили потушить керосиновую горелку: у них появился безопасный источник света, не сжигающий кислород.

Вернувшись к казарме, они молча разобрали несколько старых коек, взяв лишь металлические рамы да наиболее целые матрасы. Грач и Мрак взвалили большую часть на себя, Анесса несла остальное. Тяжело дыша, с трудом протискиваясь по узким коридорам, перетащили кровати в пищеблок и решили обустроить лагерь там.

Помещение встретило их всё той же картиной: запустение, следы давней схватки и гнетущая тишина давно погибших рейдеров. Стараясь не смотреть на обглоданные кости в углу, они быстро расчистили свободное пространство. Поставили рядом рамы кроватей, накинули матрасы и принялись готовиться к отдыху.

Они осели на матрасы прямо у стены, колени ныли, плечи горели от переноски железа. Караванщик наблюдал, как Грач и Анесса, следуя рефлексу, вдолбленному с детства, растерянно огляделись в поисках еды и воды.

Безусловный рефлекс: устал, присел отдохнуть, надо что-то потянуть в рот, укрепить тело. Мрак видел это и не торопился. Дал тишине улечься, а желудкам напомнить о себе, потом потянулся к сумке.

Внутри лежало то, за что Анесса в Вулканисе шипела на него кошкой. Тогда он набивал рюкзак так, будто выезжал в последний рейд, где торговаться уже будет не за что. Она косилась, ругала за растраты: «зачем тебе столько», «мы же не на войну». Он тогда не спорил, где-то взял в долг немного, использовал последние резервы.

На фоне всеобщего веселья Мрак знал, что рейд будет непростым, перемены в Альтерре шепнули: будь готов. И караванщик подготовился, как смог.

Промасленный свёрток вышел на свет, тяжёлый для своего размера. Бумага хрустнула. На матрас лёг брикет размером с буханку, плотный, с жирным блеском на ребре. Пахло сушёным мясом и топлёным жиром.

Анесса уставилась на это богатство.

– Это что... – слова сели, горло пересохло.

Грач присмотрелся, прикинул вес, и по лицу пробежала улыбка.

– Пеммикан, – сказал он тихо. – Мясо с жиром. Для автономки. Засветы на таком неделями ходят.

Мрак усмехнулся.

– В Вулканисе достал по знакомству. По цене такой, что если бы Несса узнала – убила бы.

Девушка стрельнула в него быстрым, злым огоньком: вспомнила. Да, именно так бы и сделала.

– Думала, ты просто любишь сорить деньгами.

– Я люблю возвращаться.

Мрак достал нож и аккуратно отрезал каждому его долю. Слишком мало, чтобы насытиться, но сколько они ещё пробудут здесь, не знал никто.

Тем временем Грач занялся водой, бросил туда пару таблеток-очистителей и принялся тщательно размешивать, наблюдая, как медленно, нехотя оседает муть. Спустя час вода заметно посветлела: всё ещё грязноватая на вид, но уже пригодная для питья.

– Готово, – тихо объявил он, отхлёбывая пару глотков. – Не вкусно, но пить можно. Немного.

Мрак поморщился и с кривой улыбкой добавил:

– Лишь бы завтра не засветиться, как эти палочки.

– Не засветимся, – устало откликнулась Анесса, отпив воды. – Надеюсь.

Они осторожно перекусили дорогим мясом, запили очищенной водой и разделили между собой каплю найденных сахара и глюкозы. Усталость накатывала волнами, и разговоры постепенно стихли, сменившись тихими вздохами да настороженными взглядами в тёмные углы.

– При такой экономии еды на неделю, воды на две, – рассудительно произнёс Мрак. – Время есть. Нужно разобраться с записями бойца Кодекса. Везде тупик, путь только через ставни с черепом.

Грач достал из сумки сохранившиеся листы, разложил их на матрасе и всмотрелся в строки зашифрованного текста.

– Работы дохрена. Посплю и сяду разбираться, что за рисунки такие.

– Что-то подсказывает, ответы не понравятся, – негромко заметил Мрак.

– Скорее всего, – отозвался Грач, серьёзно глядя на товарищей.

Мрак аккуратно соорудил кострище из железной посуды, нарезал щепы и развёл небольшой костёр, согреть нутро и просто немного снять стресс. Троица улеглась на матрасы: наконец им удалось отдохнуть в относительной безопасности.

Долгие сутки тянулись мучительно медленно. Грач, сутулясь, сидел над выплывшими листками, вглядываясь в переплетение букв и цифр, изредка фыркая и бормоча себе под нос. Вокруг росли россыпи исписанных клочков бумаги: он раз за разом перепроверял каждое слово, пытаясь подобрать ключ.

Анесса устроилась рядом, держа палочку ХИС так, чтобы её свет падал на страницы. Сначала наблюдала молча, но, заметив, как Грач всё чаще потирает лоб и сердито чертыхается, тихо спросила:

– Может, помочь чем-то?

Грач тяжело вздохнул:

– Скопируй на стену вот эту часть. У меня уже всё плывёт.

Она взяла обгорелую щепку и аккуратно вывела буквы и знаки на бетонной стене. Вскоре на серой поверхности проступила сложная таблица: ряды непонятных символов, соединённых линиями и стрелками.

Тем временем Мрак, которому не нашлось дела, отправился ещё раз осмотреть базу, пообещав вернуться через несколько часов.

Никита упёрся в листы, будто мог продавить бумагу до бетонной крошки. Уголёк скрипел, оставляя жирные чёрные борозды на полях, а вместе с ними расплзалось раздражение. Ответы сжимались до обрубков.

– Вот нахрена писать так криво? – шипение сорвалось с сухих губ. Уголёк хрустнул в пальцах. – Череп нарисовать, а потом спрятать всё под шифром.

Анесса сидела рядом, плечи опущены, пальцы мёрзли на палочке ХИС. Свет ложился на страницы узким пятном и съедал остальное пространство во тьму.

– Параноик, – сказала она тихо. Улыбка вышла слабая.

– И потомков жалеть не умел, – огрызнулся Грач, не поднимая лица от бумаги. Слова вышли колючими, почти чужими.

Время вязло. Костёр давно выдохся, посуда остыла, и холод из бетона снова лез под одежду. В животе тянуло пустым ремнём. Никита ловил себя на том, что мысль соскальзывает не на смысл символов, а на еду, на мясной запах, на сахар, на что угодно, что могло бы подпитать мозг. От этого злился ещё сильнее.

Через несколько часов уголь вылетел из руки. Никита поднялся рывком, будто его дёрнули за ворот. Плечи хрустнули, в шее прострелило.

– Всё, гори оно. Рехнулся, – голос у него стал глухой, без шутки. – Ничего не сходится.

Анесса подалась ближе, ступая осторожно, чтобы не наступить на клочки.

– Отдохни. Сутки без паузы.

Никита хотел отмахнуться, уже наготове стояла колкость, чтобы прикрыть бессилие. Вместо этого он только втянул воздух. Пахло пеплом и старой ржавчиной.

Анесса порылась в кармане. Движение было медленным, будто рука ныряла в ледяную воду. На ладони показался смятый бумажный свёрток. В нём несколько крупинок сахара и ломтик тёмной, сухой крошки. Их суточный мизер. Она развернула и подтолкнула к Никите.

– Держи. Тебе нужнее.

Секунду он стоял, разглядывая это богатство, и внутри поднялось что-то злое и стыдное сразу. Хотел сказать: «Сама сдохнешь». Хотел сказать: «Не надо». Вышло иначе.

– Не геройствуй, – выдавил он с язвительной интонацией, которая прозвучала пусто. Взял всё равно. Пальцы сомкнулись, точно боялись, что крошка испарится.

Сахар растаял на языке почти мгновенно, оставив короткую вспышку тепла в голове. Она была смешной, слабой, и всё же хватило, чтобы Никита вдруг ощутил собственную дрожь. Он сел, упёрся локтями в колени, закрыл лицо ладонями. Дыхание выровнялось с третьего раза.

– Ладно, – сказал он наконец, без прежней колкости. – Пять минут. Потом продолжу.

Анесса уже взяла щепку. Обгорелый край царапал бетон. Она поднялась к стене и стала выводить азбуку символов: ряд за рядом, терпеливо, с усилием. Свет ХИС дрожал от усталых пальцев, пятно уезжало, возвращалось, цеплялось за шероховатость. Знаки получались неровными, зато живыми. Где-то линия ушла чуть дальше. Где-то стрелка повернулась иначе, чем в листке.

Когда Никита снова поднялся, усталость уже не давила так яростно, она просто лежала тяжёлой плитой. Он провёл рукой по лицу, подхватил листки, перевёл внимание на стену.

Таблица на сером бетоне смотрелась иначе, чем на бумаге. Ряды знаков выстроились в жёсткую сетку, стрелки превратились в дорожки и перекрёстки.

– Так, – буркнул он и ткнул угольком в один из углов. – Вот здесь вверх. Потом вправо. Потом...

Он замер. Плечи напряглись, будто их снова заклинило. Подошёл ближе. Вынул щепку из руки Анессы, приложил к листку, сверяя.

– Ты... – начал он и почти сорвался на привычную язву. – Направление перепутала.

Анесса устало подняла подбородок. Лицо серое от недосыпа, губы сухие.

– Вроде нет...

– Вроде, – он произнёс это так, словно хотел укунить словом. Потом замолчал. Потому что пальцы, удерживающие щепку, вдруг перестали злиться.

Никита ещё раз сверил. Потом снова посмотрел на стену, на «неверную» стрелку, на то, куда она вводила ряд. Сдвинулся на шаг, чтобы увидеть всю таблицу целиком. В голове что-то щёлкнуло, как реле в щитовой.

Уголёк выпал из пальцев и стукнул по полу. Язва исчезла. На лице пустота, в которой быстро собиралось понимание.

– погоди, – тихо сказал он и наклонился к стене так близко, что дыхание разошлось о бетон. – погоди...

Он провёл щепкой по ряду, перескочил на следующий, будто проверяя ход по рельсам. Стрелки, те самые «ошибочные», ломали привычную дорожку через равные интервалы. Раз. Ещё раз. И снова.

Никита выпрямился. Воздух в груди стал острым.

– Вот оно, – слова вышли шёпотом, но в них было больше силы, чем в его ругани за целые сутки. Он резко развернулся к столу. – Двойное дно.

Анесса моргнула, пытаясь догнать.

– Что?

– Двойная кодировка, – Никита уже перетасовывал листы, раскладывал их в новый порядок. – Думал, один слой поверх другого. А ключ переключается. Через шаг. Через неодинаковое число символов. Потому и расплзлось всё.

Он схватил уголь, и в руке снова появился вес. Чернота легла на бумагу быстро, ровно, уверенными штрихами вместо нервных царапин.

Анесса стояла рядом, держась за палочку ХИС, и в её усталости впервые за долгое время мелькнула искра.

– Ты понял, что они спрятали?

Никита не поднял лица.

– Пока нет, – отрезал он. И уже мягче, будто сам себя удержал на краю: – Зато теперь ясно, куда копать.

Она снова принялась чертить символы, фиксируя новые находки. В помещении повисла напряжённая, но обнадеживающая тишина: шуршал уголь, слышалось приглушённое дыхание двух людей, шаг за шагом приближавшихся к разгадке.

Когда Мрак вернулся в пищеблок, Грач уже свободно читал записи, почти не замечая товарища. Шлем лежал на матрасе, лицо было бледным и измученным, под глазами залегли тени, волосы растрепались, на лбу блестели капли пота. Он выглядел так, словно вернулся с тяжёлого боя.

Караванщик тихо поставил на стол массивную старую коробку с потёртой, незнакомой маркировкой.

– Нашёл кое-что, – сказал он, изучая напряжённое лицо Грача. – Потом глянешь.

Никита нехотя оторвался от листков, скользнул по ящику и нахмурился:

– Чё там?

– Без понятия. То ли взрывчатка, то ли ещё что.

Грач поднялся, медленно подошёл к ящику и осторожно смахнул пальцами слой пыли, прищурившись, рассматривая странные знаки. Несколько мгновений изучал, затем бережно

приподнял крышку. Внутри обнаружились незнакомые устройства, аккуратно разложенные по отсекам и утопленные в старую стружку.

– Не видел такого... – тихо сказал Грач, беря один из предметов. – Типа взрывчатка, но активация другая. Рисковать не буду, потом разберусь.

Мрак отступил. Никита вернулся к столу, ещё раз пробежал глазами по расшифрованным листкам.

– Ну что там? – не выдержав, спросил караванщик, напряжённо глядя на офицера.

Грач медленно выдохнул, провёл ладонью по лицу и заговорил глухо:

– Короче, экспедиция «внешнего треугольника» Кодекса. Ну, типа такие группы высылают в дальние походы, за пределы обжитых территорий. Искать утерянные технологии, оружие, артефакты... Состав стандартный: учёные, бойцы, прикрытие снаружи.

Он сделал паузу, убедившись, что друзья осознают смысл сказанного, затем продолжил:

– Судя по записям, отряд пошёл далеко за внешнюю гряду. Но что-то пошло не так. На конвой налетел Рой. Подробности мало, но ясно: с такой дичью они раньше не сталкивались. Охранение и машины – всё смело нахрен.

– Их загнали сюда? – уточнила Анесса, стараясь говорить спокойно.

– Как и нас, – подтвердил Грач. – Рой отрезал пути, пришлось укрыться. Думали пересидеть, а в итоге заперлись. Как те рейдеры в столовой. Последний боец решил рискнуть – вылез наружу, попытался вызвать подмогу.

Грач сделал паузу, ещё раз пробежал глазами по листкам. Лицо его потемнело, в чертах проступило ожесточение.

– Но это ещё не всё, – медленно произнёс он, подбирая слова. – Здесь они нарыли кое-что, из-за чего дверь с черепом и запечатали. Нарисовали знак, забив на все протоколы. А это значит, за той дверью...

Он оборвал фразу, резко вдохнул и посмотрел на товарищей. У тех внутри всё похолодело.

– Короче, всё хуже, чем я думал.

Он поднял на друзей тяжёлые глаза. Помолчал несколько мгновений, точно собираясь с духом, а затем начал тихо и размеренно:

– За дверью, в ангаре, тварь сидит. Паукообразная, здоровая. Судя по журналу, она там ещё до экспедиции была, пряталась, может, от Роя. Когда бойцы Кодекса открыли ангар, наткнулись на кокон, но слишком поздно врубались, с чем имеют дело.

Мрак нахмурился, напряжённо слушая. Грач продолжал:

– Тварь сразу кинулась. Записи короткие, но ясные. Их было четверо, и они не ожидали такой атаки. Двоих она завалила сразу, другого ужалила, а четвёртому повезло чуть больше: ему руку отсекли, чтоб яд не пошёл дальше. Из рубки выжили двое – Засвет, чьи записи я расшифровал, и ещё один старший, который потом свалил за подмогой и видимо сдох где-то в дороге.

Анесса нервно переплела пальцы и тихо спросила:

– Почему дверь заперта, но не заминирована? Они же понимали, какая это угроза.

– Да песок его знает, – вздохнул Грач, устало потирая глаза. – Автор записей на тот момент уже был отравлен. Может, сознание плыло от токсина, и он действовал на автомате, по вбитому протоколу. Череп на двери – типа последнее предупреждение. Зачем зашифровал сами записи – не понял. Может, яд его с ума сводил, и он боялся, что записи попадут не к тем людям.

Анесса осторожно уточнила:

– Ты уверен, что правильно всё понял?

– Уверен, – Грач устало покачал головой. – Эта погань – хищник, смертельно опасный, может впасть в спячку на годы. И она до сих пор там.

Мрак мрачно посмотрел на дверь с черепом:

– Значит, рано или поздно придётся открыть.

– Ну типа, – тяжело выдохнул Грач. – Зато теперь знаем, с чем столкнёмся.

Мрак помедлил, потом спросил:

– А ещё что-то? Четверо бойцов Кодекса не справились...

Грач чуть оживился:

– Есть кое-что. В записях сказано: тварь боится света. Яркого. Не переносит вспышек и отступает, когда слишком светло. Двое так и выбрались.

Он поднял руку:

– Но даже если отпугнём, поди угадай, надолго хватит света и что будет, когда погаснет. Может, ей вообще пофиг. И неизвестно, можно ли её завалить нашим оружием.

Повисла тишина. Анесса обхватила себя руками, лицо побелело, в глазах почти детский ужас.

– Паук... Почему именно паук? – выдохнула она.

Мрак тревожно покосился на неё, но промолчал и снова повернулся к Грачу:

– Есть ещё кое-что, – тихо сказал он. Достал потрёпанную карту и развернул на столе. –

Нашёл схему комплекса. Смотрите.

Пальцем указал на сектор за ангаром:

– Вот здесь крупная секция. Похоже на хранилище или гараж. Если повезёт, найдём что-то, что поможет выбраться.

Тяжёлая пауза. Все понимали: решение одно из самых трудных в их жизни.

– Идём через дверь, – негромко произнёс Мрак. В голосе твёрдость, лицо тяжёлое. – Используем свет, оружие, всё, что есть. Другого шанса нет.

– Ага, – тихо согласился Грач. – Вариантов ноль.

Анесса сидела в стороне, сжавшись на старом матрасе и уставившись в пол. Её мелко трясло, пальцы теребили край куртки. Первым тревогу заметил Мрак. Он молча подошёл, присел рядом и мягко обнял её за плечи.

– Эй, ты чего? – голос Мрака лёг рядом, тёплый, почти домашний. – Справимся.

Анесса втянула воздух резко, будто вынырнула. Плечи дёрнулись под его рукой. На секунду лицо застыло белым листом, и страх, чистый, детский, прошёл по нему рябью, без защиты.

– Я... – голос сорвался на шорох. – Не могу туда. Не к этой твари.

Мрак придвинулся ближе, ладонь легла на плечо увереннее, прижимая её к себе.

– Почему? Другого пути нет.

Она увела лицо в сторону коридора. Тьма там лежала плотным слоем, и от одной мысли о ней внутри поднималась тошнота. Тело предало её мелкими вещами: пальцы сами вцепились в край куртки, суставы побелели, дыхание стало коротким, рваным.

– Паук, – выдохнула она. Слово вышло почти неприличным, чужим. – С детства... В Краегоре они заползали в дом. По стенам, по потолку. Я тогда... ногами лежала и слушала, как что-то шевелится. Казалось, они везде. Глупо, знаю. Просто... не могу заставить себя это пройти.

Она замолчала, подбородок опустился. От привычной уверенности почти ничего не осталось.

Мрак не стал спорить, прижал её крепче, чтобы она ощутила рядом вес живого человека, тепло, силу.

Понемногу дыхание выровнялось, дрожь осталась, но перестала рвать изнутри. Анесса позволила себе опереться, закрыла глаза на пару секунд, принимая это тепло как редкую роскошь. Потом осторожно отстранилась, провела ладонью по лицу, вытирая слабость вместе с потом на верхней губе. Подняла подбородок.

– Я пойду, – сказала она и сама удивилась, что голос звучит ровно. – Пойду. Пересилю.

Слова легли правильно, даже слишком хорошо. Она поверила им, потому что очень хотела поверить. В голове уже выстроился знакомый порядок: свет впереди, шаг за шагом, без лишних мыслей. До двери ещё сутки, почти вечность, и за эту вечность страх можно загнать в угол, придавить коленом, заставить молчать.

Анесса сжала палочку ХИС, проверяя хват. Рука казалась твёрдой, и это обманчивое ощущение оказалось сладким, почти спасительным.

– Справлюсь, – повторила она тише.

Мрак молча принял эти слова, потому что ему тоже нужно было их услышать. Анесса это понимала и держала спину прямо. Снаружи она уже выглядела собранной. Внутри страх никуда не делся, просто отступил на шаг, притворился послушным, лёг на дно и затаился до своего времени.

А потом настанет момент, когда эта уверенность попросит плату.

Глава 4

Тварь

На столе лежал свёрток с перетёртым мясом, жир проступил пятнами. Рядом сахарная пыль, которую берегли по крупичкам. Еды хватало максимум на пять-семь дней, если резать порции аккуратно и не тратить силы на бег.

Грач спросил Мрака, когда пойдут. Лезть сейчас без головы было опасно, тянуть тоже опасно: голод догонял быстрее любых планов. Они решили дать себе двенадцать часов сна. Перед тем съели по маленькому куску мяса, а сахар оставили на потом. Страшно было всем, просто каждый держал это по-своему. Сон выглядел единственным разумным решением, чтобы завтра хватило сил, если придётся снова бежать.

Наконец Никита аккуратно открыл странную коробку, что принёс Мрак. Внутри лежали продолговатые бруски сухого серого вещества, завёрнутые в потемневшую бумагу. Он внимательно их осмотрел, провёл пальцем по шероховатой поверхности и нахмурился.

– Взрывчатка, но старая, левая какая-то. И главное... – он указал на торцы брусков, – запалов нет. Вообще.

– Без них не работает? – нервно спросила Анесса.

– Не-а, – устало подтвердил Грач. – Нужна искра или хотя бы сильное пламя.

Мрак задумчиво хмыкнул и полез в сумку. Покопавшись, он с лёгкой ухмылкой вытащил маленькую металлическую фляжку. Открутил крышку, едкий запах спирта ударил в нос.

– Чистый спирт. Хватит, чтобы поджечь?

Грач чуть приободрился:

– Воспламенить – да. Взорвать – нет. Пламя слабое для полноценного взрыва. Надо бруски в порошок перетереть. Тогда, может, работает.

Не говоря больше ни слова, Мрак принялся осторожно толочь бруски в старой металлической миске, найденной тут же в пищеблоке. Работа была долгой и нервной. Наконец перед ними выросла небольшая горка сероватого порошка, чуть отдающего химией.

– Готово.

Он плеснул на щепотку порошка каплю спирта и высек искру кремнем. Спирт вспыхнул лёгким голубым огоньком, но так же быстро погас, не дав даже намёка на взрыв.

– Не то... – нахмурился Грач, глядя на потухшее пламя. – Спирт горит, но мощности не хватает.

– Масла может? – тихо спросила Анесса, напряжённо наблюдая за экспериментом.

Грач оглядел кухню, шаря глазами по полкам, пока не заметил старую облезлую жестяную канистру. Быстро подошёл, прочёл надпись и вслух объявил:

– Масло-смазка гидравлическое. Может, оно даст нужный эффект?

Не раздумывая, Мрак плеснул в порошок немного масла и ещё спирта, тщательно перемешав всё это в миске. Получилась густая, маслянистая субстанция с резким горьковатым запахом. Он оторвал полоску ткани, смочил её в спирте, поджёг от искры и осторожно поднёс пылающую тряпицу к смеси.

Спирт мгновенно занялся лёгким голубым пламенем, огонь мягко пополз по поверхности. В следующее мгновение масло занялось густым жёлтым огнём, но больше ничего не происходило.

– Хрень полная, – тихо выдохнул Грач.

Они уже было приготовились к разочарованию, как вдруг пламя резко взвилось: из смеси вырвалась цепочка ярких искр, взметнулась под потолок и осыпалась дождём светящихся кру-

пинок. Вместо взрыва получилась яркая, продолжительная вспышка, больше похожая на фейерверк, чем на боевую взрывчатку.

– Ого... – Грач зажмурился, прикрывая глаза рукой от ослепительного света. – Не совсем то, что я ожидал.

Мрак с облегчением рассмеялся:

– Идеально. Такое вспугнёт кого угодно... Особенно тварь, которая ненавидит свет.

Анесса слабо улыбнулась. Она подрагивала от волнения, но эта удача подарила надежду, такую нужную сейчас.

– Значит, у нас есть шанс, – тихо сказала она, глядя на догорающие искры. – Теперь есть с чем идти туда.

Они стояли, провожая глазами угасающие огоньки. Тревога ещё висела в воздухе, но впервые за долгое время в ней мелькнула вера в успех.

Уселись на полу вокруг старого потёртого стола, аккуратно разложив добытые материалы и инструменты. Решили заготовить как можно больше кульков с растолчённой взрывчаткой, пропитанной маслом, чтобы в нужный момент облить спиртом и поджечь. Спирт испаряется быстро, действовать придётся без промедления.

Мрак терпеливо растирал бруски в металлической миске, превращая их в мелкий серый порошок. Грач пересыпал эту «муку» в лоскуты ткани, мастерил завязки, Анесса пропитывала кульки маслом и выкладывала ровными рядами.

Работа шла медленно, но ровно, напряжение сменялось сосредоточенностью.

Пауза затянулась, и в тишине, нарушаемой лишь шорохом толчёного порошка да лёгким лязгом инструмента, заговорила Анесса. Сидя бок о бок с Мраком, прижимаясь плечом к нему, она сказала доверительно:

– Знаете... Когда мне было лет семь-восемь, к нам в дом в Краегоре залез здоровенный паук. Чёрный, толстый. Я его не заметила, сунула руку в шкаф, а он укусил за палец.

Она на миг умолкла, будто снова ощутив тот укол, и ещё тише продолжила:

– Палец месяц ныл. Опух, посинел... мама боялась, что придётся его отрезать. С тех пор терпеть их не могу. Знаю, глупо, но даже крошечный паучок возвращает ту боль и страх.

Мрак молча приобнял её крепче, мягко сжав плечо. Анесса расслабилась, позволяя себе принять это тепло и защиту.

Караванщик поднял глаза от очередного кулька, осторожно улыбнулся, пытаясь разрядить атмосферу:

– У меня примерно то же с крысами. Маленьким одна цапнула за ухо, пока спал. Просыпаюсь – а на ухе крыса висит, как серьга. Месяц потом спал с головой под одеялом.

Грач тихо усмехнулся, не отрываясь от дела, и негромко добавил:

– А я как-то сунул ногу в сапог, а там какая-то дрянь впилась в пятку. Неделю хромал, но никому не признавался – гордость, блин. Ходил с каменной рожей и терпел. С тех пор всегда ботинки переворачиваю.

Они негромко рассмеялись и на короткое время почувствовали себя проще и свободнее. Снова наступила тишина, но теперь она была почти домашней, уютной.

Наконец всё было готово. Друзья сидели молча, глядя на ровные ряды кульков с пропитанной маслом смесью, смиряясь с мыслью, что им сейчас придётся открыть ставни в неизвестность. Всё необходимое сделано, оставалось понять, как действовать дальше, и наконец решиться.

И вдруг в тишине раздался шёпот Анексы. Голос дрожал, каждое слово давалось с трудом:

– Я люблю тебя, Мрак...

В помещении всё замерло. Караванщик застыл, будто ударили в живот. Глаза его остановились на лице девушки, и он перестал дышать. Внутри вспыхнула буря: изумление, страх, осознание услышанного.

Анесса опустила глаза, пытаясь скрыть слёзы. Голос стал едва слышным:

– Может, больше не будет шанса... Поэтому сейчас. Чтобы ты знал.

Сердце Мрака гулко ударило в груди. Он попытался вдохнуть, слова давались с огромным трудом. Никогда он не был силён в подобных разговорах. Но спустя несколько секунд всё-таки вымолвил, тихо, искренне:

– Я... тебя тоже.

Мрак протянул руку и осторожно коснулся пальцев девушки, мягко сжав её ладонь.

Анесса подняла на него глаза, и на лице её отразилось облегчение, будто с плеч рухнул огромный груз.

Грач молчал, не желая нарушать интимность момента. В этой ловушке, в преддверии смертельной схватки, вдруг стало ясно: каждый из них обрёл нечто большее, чем просто спутников. Они обрели друг друга.

Признание девушки подействовало на Мрака, точно в его кровь влили чистый огонь. Внутри вспыхнул жар, мгновенно разогнавший усталость и тревогу. В глазах караванщика зажёгся твёрдый свет решимости, плечи распрямились, а на губах мелькнула едва заметная улыбка.

Перемену уловил каждый, атмосфера в комнате резко изменилась. Мрак крепче сжал ладонь АнеССы, затем поднялся, глубоко вдохнул и негромко, но твёрдо произнёс:

– Теперьдохнутьточно не собираюсь.

Остальные заразились его уверенностью, напряжение спало, уступив место холодной решимости.

Мрак ещё раз осмотрел самодельный щит из крышки бака, убедился, что ручка держится крепко. Проверил короткий потёртый нож: быстро прокрутил в ладони и убрал. Напоследок похлопал себя по карманам, всё ли на месте.

Грач неторопливо поднялся, размял плечи и привычным движением проверил, как сидит на поясе короткий мачете. Тихо, с улыбкой, произнёс:

– Ну что, пора наваять этой дряни?

Караванщик лишь осклабился, глядя на соратника и друга.

Анесса поднялась последней. Дрожь ушла, зато осталась сухая стянутость в пальцах. Она собрала кульки, проверила палочки ХИС, спрятала сахарную пыль так, будто это могло спасти. Подошла ближе и коротко качнула головой в знак готовности. Лицо держалось ровным. Руки выдавали другое: хват на рукояти становился слишком крепким, потом слабел.

Через двадцать минут они вышли в коридор. Мрак шёл первым и задавал темп одним шагом, без слов. От этого становилось легче, будто чужая уверенность держит спину прямой. Под этой опорой всё равно гуляли мелкие срывы. Мрак чаще сжимал челюсть и уводил лицо в сторону стен, Грач говорил лишнее и тут же обрывал себя, точно боялся услышать собственный голос. Анесса держала свет и старалась идти ровно, но пару раз палочка уходила в сторону, на пустое, туда, где лучше было не искать. Они были готовы настолько, насколько вообще можно быть готовыми. И всё равно каждый слушал тишину так, будто она вот-вот ответит.

Металлические створки ангара разошлись с оглушительным скрежетом, точно ржавые клыки исполинского зверя, нарушив полувековую тишину. Эхо прокатилось по залу, и его тут же перекрыл сухой удар тяжёлого предмета на дальнем конце. Все поняли: о тихом проникновении речи уже нет.

Мрак шагнул первым, выставив перед собой щит. Следом Анесса вбросила по углам палочки ХИС, и зеленоватый свет залил ангар, разбив сумрак на рваные тени.

Анесса вскинула револьвер, проводя стволом по залу в поисках движения. Дыхание гулко отдавалось в тишине, глаза лихорадочно бегали по углам.

Грач ступил внутрь последним, замыкая строй. В зелёном сиянии его тёмная фигура в шлеме выглядела зловеще, в правой руке блестел обнажённый сечь.

Они застыли, напряжённо вслушиваясь. Тишина была оглушительной, только их собственное учащённое дыхание нарушало гнетущий покой огромного помещения.

– Может, тварь давно сдохла? – голос Грача прозвучал приглушённым и металлическим из-за вновь надетого шлема.

Никто не ответил. Каждый понимал: чудовище могло затаиться где угодно, в темноте или среди покрытых паутиной обломков. Атмосфера с каждой секундой становилась тяжелее.

Прошло несколько секунд, показавшихся вечностью. Ничего не происходило, но чем дольше тянулось ожидание, тем отчётливее липкий страх подбирался к сердцу.

Вдруг далеко в глубине ангара что-то чпокнуло, и все трое резко напряглись, вглядываясь в темноту. Снова воцарилась тишина, ещё более гнетущая.

Лампа внезапно выхватила что-то крупное и белёсое у противоположной стены. Тусклое зеленоватое сияние ХИС с трудом пробивало плотные тени, и пятно в глубине зала казалось призрачным. Однако через мгновение до всех дошло: перед ними огромный кокон диаметром в метр, оплётённый толстыми нитями.

Кокон вздрогнул и медленно зашевелился с тревожным шорохом. Тварь просыпалась.

– Там! – пронзительно закричала Анесса, указывая точно в центр гигантского кокона.

Всё произошло стремительно. Они решительно начали сокращать дистанцию. Грач и Мрак заняли позиции по бокам: Никита сжал клинок, караванщик выставил перед собой массивный щит, прикрывая товарищей. Анесса держалась чуть позади, на ходу плеская спирт на первые кульки.

Приближаясь бегом, она резко чиркнула зажигалкой и поднесла огонёк к ближайшему кульку. Едва пламя коснулось ткани, кулёк вспыхнул яркой вспышкой у неё в руках. Она метнула его вперёд, прямо в сторону шевелящегося кокона.

Ослепительный сноп искр разорвал полумрак как раз в тот миг, когда из кокона на них бросилась гигантская фигура. Вспышка ослепила, но все увидели очертания паукообразного монстра, и каждый понял: назад дороги больше нет.

В этом жутком свете друзьям на краткий миг явилось то, что можно было представить лишь в самых кошмарных снах. Существо, рванувшееся из кокона, напоминало помесь гигантского паука и отвратительного насекомого вроде таракана или бритвенника.

Огромные лапы разлетелись в стороны, каждая усыпана шипами и крючковатыми отростками. Хелицеры были массивны и остры, как пара чёрных клинков, готовых сомкнуться на жертве. Над ними торчало уродливое скопление глаз, четырнадцать или больше, расположенных беспорядочно.

Время не пощадило монстра. Тело его выглядело иссохшим, хитиновый панцирь облез и потрескался, местами вовсе отслоился, обнажив язвенную, гниющую плоть. Густая шерсть, некогда покрывавшая членистое туловище, теперь торчала клочьями, свисала грязными лохмотьями. Тварь напоминала разлагающийся труп, восставший из преисподней. Тяжёлое, удушьящее зловоние разложения исходило от неё, и желудки судорожно сжимались от подступающей тошноты.

Вспышка погасла, оставив в глазах след увиденного кошмара. Но этого мгновения хватило, облик чудовища навсегда врезался в память каждого.

Свет ослепил Мрака. Мир перед ним превратился в белое марево, где тень чудовища растворилась в ослепляющих пятнах. Он взмахнул ножом вслепую, ударив в пустоту. Лезвие со звоном прошло по бетонному полу, и только гул эхом отозвался в темноте.

Чудовище вновь метнулось с оглушительным визгом, лапы с шипами хлестнули по воздуху. Грач был готов: он заранее опустил защитный фильтр в шлеме. Мир стал мутным, зато глаза сохранили зрение. Когда монстр рванулся, офицер шагнул навстречу и коротким движением провёл клинком снизу вверх.

Клинок вошёл под хитиновую плиту, вспоров лапу, и тварь взвыла так, что в ушах заломило. Этот звук напоминал скрежет ржавого железа о стекло, врезался в сознание, хотелось закрыть голову руками и упасть. Огромное тело дёрнулось, лапы загрохотали по полу, оставляя борозды в металле, и существо отпрянуло назад, расплескав тьму.

– Ещё бросай! – рявкнул Мрак, шурясь в ослепительных пятнах.

Анесса стояла неподвижно. Кульки с пропитанной взрывчаткой тканью дрожали в её руках, но пальцы не слушались. Глаза широко раскрыты, лицо побелело. В следующее мгновение руки бессильно разжались, и тряпичные комки глухо бухнулись на пол.

– Свет! – рявкнул Грач, и искажённый голос под шлемом гулко отразился от стен. Он уже видел, как тени возле балки сгущаются, предвещая новый рывок.

Мрак развернулся. Перед ним Анесса, парализованная страхом, застыла на месте. В глазах оцепенение, когда тело перестаёт подчиняться разуму. Караванщик рванулся вперёд, выхватил один из упавших кульков прямо из-под её ног, одним движением отвинтил крышку фляги, плеснул спиртом на ткань, щёлкнул зажигалкой и метнул туда, где сгущались тени.

В тот же миг чудовище вырвалось из-за колонны, и воздух содрогнулся от удара.

Грач бросился навстречу. Клинок вспыхнул короткой дугой, встретив первую лапу и отразив удар с оглушительным лязгом. Вторая конечность с хищным щелчком рванулась сверху, но он снова успел, сбив её в сторону. Третий удар пришёлся в бок. Тяжёлая лапа врезалась в броню, и Грача швырнуло через весь зал, он ударился о колонну с таким грохотом, что металл жалобно загудел.

Мрак уже поджигал второй кулёк. Пламя жадно лизнуло тряпицу, яркая вспышка разметала тьму, и он метнул её в пространство между чудовищем и Анессой. Искры озарили фигуру твари, отбрасывая её длинную тень на стены. Караванщик рванулся вперёд, не давая монстру воспользоваться замешательством.

Он врезался в него всем телом, тяжёлый щит со стальным грохотом ударил в чёрную морду. Челюсти чудовища клацнули в пустоте, воздух наполнился смрадом гнили. Сила удара отдалась в плечо тупой болью, но Мрак не отступил. Клинок рванул вбок, вошёл под потрескавшийся хитин и полоснул спину.

Чудовище взвыло и дёрнулось назад. Тьма под потолком загудела, когда тварь, истекая смрадом, ринулась в тень. Её визг был таким, что стены ангара, казалось, дрожали.

Зал снова провалился в сумрак. Зеленоватые отсветы ХИСов прыгали по стенам. Сердца били так, что гул стоял в висках. Они знали: выиграли секунд двадцать.

Тяжёлая лапа, отбросившая Грача и вогнавшая его в железную колонну, пробудила АнеССу. Оцепенение разлетелось вдребезги. Вид товарища, отброшенного чудовищем через весь зал, прорвал ледяную скорлупу страха. Дыхание сбилось, сердце колотилось в горле, и в руках вновь появилась сила.

Она метнулась к упавшим кулькам, пальцы дрожали, но слушались. Щёлкнула зажигалка, маленький огонёк родился на её ладони, вспыхнул на пропитанной ткани. Новый факел рванулся в темноту, осветив жуткий силуэт монстра. Вспышка ударила в глаза твари. Чудовище взвыло, заскрежетало так, что зал задрожал, и инстинктивно отпрянуло назад, прямо под сияние свежего фейерверка.

Линия атаки открылась.

– Влево! – крик прорезал шум боя.

Мрак среагировал мгновенно, тело само услышало приказ. В этот миг Анесса вскинула оружие. Пальцы вцепились в револьвер, и она выпустила в тень весь барабан. Грохот выстрелов

расколол зал, пули испарывали тьму, впиваясь в силуэт твари. Металл гулко отзывался эхом, и только сухой щелчок в конце сообщил: пусто.

Этого оказалось недостаточно. Чудовище пошатнулось, но устояло, дёрнулось, затрясло исполинскими лапами и, раскачиваясь, поползло вверх по стене ангара. Тени дрогнули и поглотили его. Последний звук, что донёлся сверху – гулкое шипение. А потом тварь исчезла под потолком, растворившись в чёрной глубине.

Анессу трясло, дыхание рвалось. Она рванулась к Мраку, ладони сами легли на его плечо. Глаза метнулись к Грачу: неподвижное тело у колонны казалось статуей. Внутри всё оборвалось, но смысла проверять сейчас не было.

Огонь нужно было держать. Она стиснула зубы и вновь подожгла кульки. Взрывы вспышек гнали тьму, отбрасывали резкие отблески на стены. Ещё одна, ещё.

Чудовище больше не бросалось. Оно затаилось где-то там, в чернильной пустоте под перекрытиями, выжидая, наблюдая сквозь десятки безумных глаз.

Пламя постепенно слабело, запас таял.

Осталось несколько кульков, когда Мрак глухо произнёс:

– Хватит.

Анесса, сжав губы, спрятала последние свёртки. Сноп искр с шипением угас, оставив в ангаре оглушающую тишину. Теперь свет держался только на тусклом сиянии ХИСов.

Тени застыли в углах, зеленоватые отсветы плавали по стенам, и вся громадина ангара замерла, задержав дыхание в ожидании.

Прошёл год. Так казалось Анессе, хотя на деле минула минута. Каждое биение сердца растягивало время до невыносимости. Девушка с трудом сглотнула и еле слышно прошептала:

– Может... стоит проверить Грача?

– Тихо, – глухо ответил Мрак. – Не шевелись.

В голове, на грани сознания, вспыхнула нелепая шутка: «Мрак во мраке». Искра абсурдного веселья тут же исчезла, растворившись в тишине.

Мужчина закрыл глаза. Он больше не искал чудовище, доверился инстинкту, той чуткости, что вела его всю жизнь. Так он вёл караваны через пустоши, лоя опасность кожей. Так дрался, ведя бой как танец. Теперь вся прожитая жизнь, весь опыт, каждая боль и потеря слились в одно мгновение и сошлись в точке, там, где за его спиной дышала смерть.

Он просто почуял: тварь стоит прямо за Анессой. Знал каждой жилкой, каждым куском своего тела. Осознание вспыхнуло молнией и сорвало его с места. Он развернул девушку, заслонил собой, выставил щит и рванул ножом вперёд, вкладывая в удар всю решимость.

Клинок вошёл в плоть с тягучим, чудовищным звуком. Сталь пронзила что-то твёрдое, сломала хитин, ушла глубже, пока не упёрлась в кость. Чудовище дёрнулось, захрипело, и нож вырвало из руки. Визг твари разорвал ангар, пронзительный, нечеловеческий.

Мрак не дал монстру лишней секунды. Щит пошёл в ход, тяжёлый, железный, с отчаянной силой удар пришёлся в голову твари. Металл встретил плоть с глухим звуком, от которого звенело в ушах. Хелицеры щёлкнули в пустоте, рванули воздух.

Лапа ударила в щит снизу с такой силой, что рука онемела до плеча. Вторая прилетела сбоку, распоров куртку и полоснув по рёбрам. Мрак отшатнулся, выставил щит снова, но следующий удар вышиб его из руки. Металлический диск загрохотал по полу у ног, но схватить его вновь времени не оставалось. Караванщик остался с голыми руками против твари, которая надвигалась, заслоняя собой весь мир.

Мрак вдохнул коротко, рвано. Всё. Конец. Смерть стояла перед ним, огромная и живая, воняла гнилью и кровью.

Он заметил краем глаза, как тварь поднимает лапу, чудовищную, с шипами и крюками, сверкающими в последних отсветах ХИСов. Время остановилось, а мир сузился до одного

мгновения. В эту последнюю секунду он жалел лишь об одном: что не успел сказать ей. Что не увидит её глаза на рассвете, если он когда-нибудь ещё взойдёт.

И вдруг Анесса рванулась вперёд, толкнув Мрака в сторону с силой, которой в ней быть не могло. Тело само бросилось наперерез смерти любимого.

Следующее мгновение стало адом. Чёрный блестящий отросток пробил воздух и вонзился ей в бок. Хрустнула ткань, плоть разошлась, и тело выгнулось от боли. Мрак услышал звук, низкий, влажный, непереносимый.

Девушка закричала. В этом вопле звучала боль, от которой стены дрожали и тени содрогались. Яд вошёл в кровь огнём, растекался по венам, выжигая всё живое. Кожа горела изнутри, дыхание сбилось на хрипы, глаза застлала пелена.

Анесса дрожала, но не падала, сцепила зубы, отказываясь умереть. И даже когда губы её побелели, а пальцы свело, она всё ещё смотрела на Мрака, и в этих глазах горела любовь.

Мир для Мрака сжался до пульса в висках и одного дикого чувства – ненависти, чистой, как выжженная сталь. Такого пламени он не знал никогда, даже когда увидел мёртвого брата.

Щит сам оказался в руках и стал продолжением тела. Мрак обхватил его обеими руками и обрушил вниз, на уродливую морду чудовища. Удар. Ещё. Ещё. Каждый раскат гремел, как молот судьбы, а в звоне металла отзывалась вся его жизнь: пустоши, ночи под свист ветра, глаза погибших друзей. И теперь этот крик женщины, которой он не успел сказать всё, что хотел.

Тварь завывала, дёрнувшись, когти рассекли пол, но Анесса, дрожащая, обескровленная, не отпустила. Вцепилась в мерзкое жало, что пронзило её тело, и удержала, не давая монстру вырваться. Она заперла смерть в себе, как капкан.

Мрак бил, не думая, куда и как, просто бил, потому что иначе не мог. Руки тряслись, удары уходили вкось, соскальзывали с хитина, но он снова заносил щит и снова обрушивал его вниз. В груди рвалось что-то живое, горячее, невыносимое. Он хрипел, захлёбывался воздухом, слёзы или пот заливали глаза, он не различал.

Бам! Бам! Бам! Каждый удар отдавался гулом в сердце ангара. Он бил до одури, до боли в суставах, до хруста в костях, не видел ничего, кроме расползающегося хитина, не слышал ничего, кроме собственного сорванного дыхания. «Не умирай, не умирай, не умирай» – стучало в голове вместо мыслей. Ярость была первобытной, безумной, замешанной на страхе потерять единственное, что ещё имело смысл.

И вдруг – резкий, рвущий воздух свист!

Сечь Грача прорезал тьму и вонзился в спину твари. Металл вошёл до самой рукояти, чудовище выгнулось, закричало, и этот визг едва не сорвал сознание в бездну. Грач не остановился. Его удары падали один за другим, холодные, точные, без пощады. Каждый взмах снимал с твари кусок гниющей плоти, выдирал жилы, ломал кости.

Мрак, стиснув зубы, бросился к Анессе. Он вырвал мерзкий отросток, и девушка взвыла, вопль прорезал зал. Она захлебнулась воздухом, тело выгнулось дугой, пальцы царапали бетон. Вены на шее вздулись, глаза помутнели – яд уже работал, горячий, прожигал изнутри, оставляя лишь судороги и боль.

– Держись, слышишь?! – хрипел Мрак, укладывая её на пол. – Не смей умирать!

Под его руками тело билось в конвульсиях, дыхание рвалось, сердце колотилось, как пойманный зверь. Тепло уходило, жизнь просачивалась сквозь пальцы, и он ничего не мог сделать.

За спиной стоял ревущий хаос. Грач в исступлении продолжал кромсать монстра, вокруг звенело и гремело всё: железо, эхо, страх.

Тварь содрогнулась в последний раз, скрежетнула когтями по полу и обмякла. Ангар погрузился в гулкий, звенящий покой.

И тогда Мрак понял. За секунду в голове пронёсся весь опыт Пустоши: десятки укусов, ядовитые твари, способы выжить. Варианты отсекались один за другим, пока не осталось ничего. И в этой пустоте маячила только фигура Никиты, единственный неизвестный элемент.

Мрак сорвался к Грачу, голос дрожал:

– Яд! Чёрт, яд в ней! Ты – Кодекс, у вас должно быть... хоть что-то!

Грач повернулся, снял шлем. Лицо серое, глаза мёртвые от боли и усталости. Но он понял сразу, подбежал, сорвал с шеи футляр, выхватил тонкую янтарную капсулу и сунул Анессе в рот. Та захрипела, захлебнулась воздухом, но Грач стиснул её челюсти, заставив раскусить.

– Держи её! – рявкнул он.

Мрак не понял, но послушался. Обхватил Анессу за плечи и бёдра, прижал к полу, и под ладонями билось её сердце.

Тело девушки выгнулось дугой. Она хрипела и билась, пытаясь выплюнуть адскую субстанцию, жгущую рот и лёгкие, но Грач держал её челюсти с таким давлением, что хрустнул зуб. Звук ударил по ушам, пробирая до костей, но времени сожалеть не было.

– Что это, пекло тебя подери?! – прорычал Мрак, едва удерживая её истерзанное тело.

– Шанс, – прохрипел Грач, не давая ей раскрыть рот. – Если выдержит – будет жить.

Судороги трясли девушку, яд и лекарство сцепились внутри за каждый кусок плоти. Секунды тянулись вечностью. Наконец Анесса выдохнула резко и обмякла. Мужчины отпустили её одновременно, и она опустилась на холодный пол, тихая, как сломанная кукла.

– Что теперь?! – хрипел Мрак, отчаяние разрывало его изнутри.

Грач мотнул головой, глухо произнёс:

– Антидот работает, нужна пара клятых минут... – он не договорил, но Мрак понял.

Караванщик смотрел на почерневшую рану, на вздувшиеся жилы вокруг, на мутную жидкость, что сочилась из разорванной плоти. В голове билось одно: яд – это живое. Живое сворачивается от жара. Он видел это в Пустоши, когда выжигали укусы скорпов, когда прижигали гниющие раны. Варварство. Но оно работало.

– Выжигаем, – сказал он глухо.

Грач вскинул голову:

– Ты уверен?

– Нет.

Мрак сорвал с пола тряпку, пропитал спиртом, поднёс к огоньку зажигалки. Пламя родилось тускло, но быстро выросло, жадно облизывая ткань. Запах горелой ветоши смешался с гарью от мёртвого монстра.

Они не колебались. Грач разорвал бронебрезент, и стало ясно: жало вошло неглубоко, ткань спасла, приняв на себя удар. Но ранение было ужасным. Мясо почернело, жилы вокруг распухли, из раны сочилась мутная жидкость.

– Держи её, – приказал Мрак.

Грач прижал девушку к полу. Караванщик поднёс огонь к ране, плеснул спирта, и пламя ворвалось внутрь, зарычало в открытой плоти. Запах палёной кожи ударил в нос, выворачивая желудок.

Тело Анессы дёрнулось, она не закричала, была без сознания, но мышцы бились, и Грач держал её, как в кандалах.

– Давай, – шептал Мрак сквозь зубы, и глаза горели от дыма. – Держись, только держись, Несса...

Огонь сделал своё дело. Рана сморщилась, края почернели, дымок тонкой струйкой поднялся вверх. Мрак резко отдёрнул ткань, обрызгал ожог оставшимся спиртом и рванул бинты из аптечки, обмотав бок.

Он всё ещё держал её, стиснув зубы так, что скулы болели, в висках билось одно: живи. Ответа не было. Лишь слабое дыхание, еле уловимое под его ладонью. И страшная тишина ангара, где они не знали, спасли её или лишь отсрочили конец.

Глава 5

Фобия

Мужчины перенесли Анессу в импровизированный лагерь – на железную койку, застланную рваными тряпками. Час тянулся вечностью. Пламя костерка трепетало на обугленных стенах пищеблока, запах жжёного мяса и спирта ещё стоял в воздухе.

Наконец девушка зашевелилась. Губы дрогнули, ресницы колыхнулись, и тихий шёпот сорвался с её горла:

– Воды...

Мрак тут же подался вперёд, поднёс флягу к её губам. Она сделала пару осторожных глотков, и дыхание стало ровнее. Караванщик склонился к ней; в голосе звучала надежда, перемешанная с недоверием:

– Ну? Как ты?

Анесса моргнула, приподнялась на локтях. Губы тронула тень иронии, такая же бледная, как её лицо:

– На удивление... не так уж плохо.

Оба одновременно посмотрели на Грача. Тот сидел у стены, сняв шлем, с потным лицом и тяжёлым, каменным выражением.

– Что за гадость ты мне в рот запихнул? – спросила Анесса хриплым голосом, но в нём прорезалась сила. – Будто лаву прожевала.

Грач не моргнул. Голос его звучал ровно, как удары колокола:

– Капсула последнего шанса. Противоядие от всего.

– Тааак? – протянул Мрак, настороженно шурясь.

Грач замолчал, медленно сжал кулаки. Потом нехотя произнёс:

– У него своя цена.

– Какая? – холодно спросил Мрак, каждое слово будто камень.

– Какая-какая... – Грач отвёл глаза. – Такая.

Анесса резко подалась вперёд, несмотря на боль, и голос её прозвучал жёстко, почти властно:

– Никита. Что за цена?

Грач помедлил, вздохнул, глядя куда-то в сторону:

– С этой дряни не слезешь.

– Чего?! – голос Мрака сорвался на рык.

– Вот так. Уж извини. В той капсуле – яд легендарной твари. Слышали про мёртвого Пустынника?

Мрак нахмурился, губы скривились:

– Байка для новобранцев.

Грач поднял глаза, и в них не было ни тени шутки:

– Не байка. Один такой живёт в подвале Кодекса. Держат под замком уже двадцать лет. Яд этой твари вытесняет все остальные – убивает любые токсины, но... чтобы жить, нужна новая доза каждый месяц. Иначе субстанция распадается и отравляет организм.

Анесса побледнела ещё сильнее, в глазах мелькнула смесь страха и злости:

– Ты хочешь сказать... что теперь я такая же?

– Нет, ты не монстр, но... – глухо начал Грач. – Жива только потому, что у тебя в крови эта дрянь. Не получишь новую порцию – умрёшь.

Мрак сжал кулаки так, что костяшки побелели, голос сорвался:

– Тьма тебя дери, Никита... Ты хоть понимаешь...

– Я дал шанс. Другого не было.

Анесса медленно подняла голову. Лицо бледное, губы треснуты, но в глазах появилось то холодное пламя, которое всегда вытаскивало её из самых тёмных ям. Она слабо усмехнулась:

– Зависимость? – голос её дрожал, но в каждом слове звенела решимость. – Это далеко не первая цепь, с которой я рву.

Грач смотрел на неё долго. Потом уголки его губ дрогнули, и он чуть заметно улыбнулся: грустно, как улыбаются те, кто знает ответ заранее. Кодекс не разменивался на сантименты. Субстанцию давали Засветам, чтобы те завершили задачу, выжали себя до дна, а потом... Держать их на игле всю жизнь было слишком накладно.

Никита видел однажды, что происходит, когда доза не приходит вовремя: сначала жар и судороги, потом бред, кожа сползает лоскутами, и человек гниёт заживо, воя от боли, пока сердце не сдаётся. Несколько дней агонии, он помнил крики из лазарета. Но что ему оставалось там, в темноте, с умирающей Анессой на руках? Смотреть, как она гаснет? В конце концов шанс был: Никита надеялся уговорить отца дать ей время.

– Так, надо сжечь тварь, – голос Мрака прозвучал глухо. – Никита, справишься?

– Как два пальца, – коротко бросил офицер Кодекса.

В его руках оказались канистра с маслом и огниво. Он даже не обернулся, лишь плотнее натянул перчатки и двинулся в темноту ангара, растворяясь в зыбком зеленоватом сиянии ХИСов.

Мрак и Анесса остались у входа. Минуты тянулись тягуче, воздух стоял тяжёлый, вонь гнили, крови и палёной кожи въедалась в лёгкие. Каждый звук отдавался эхом, будто весь ангар прислушивался к их сердцам.

Не прошло и пяти минут, как Грач вылетел обратно. Шлем перекошен, дыхание сбито. Он ввалился в свет, размахивая руками и задыхаясь от ярости:

– Она жива!

– Что?! – хором взорвались Мрак и Анесса.

– Да чтоб мне сгореть, жива! – рявкнул он; голос дрогнул от злости и усталости. – Вернее... не вся! Там только хитиновый панцирь остался, куски мяса... Короче, я вскрыл её, как тушу на бойне, но эта сука сбросила шкуру! И теперь где-то прячется!

Слова гулко ударились в стены и ушли зловещим эхом. Мрак замер, смысл сказанного дошёл с опозданием. Анесса побледнела, дыхание сбилось, и на миг показалось, что сердце просто остановилось. Губы дрогнули, руки машинально прижались к груди, тело само пыталось спрятать уязвимое место.

– Двери же открыты... – выдохнула она почти беззвучно, боялась, что слова позовут чудовище обратно.

– Именно, тьма, – Грач саданул кулаком по стене; металл гулко отозвался, будто застонал. – Если эта тварь ещё жива, то теперь может быть где угодно. В вентиляции. В коридорах. Над нами. Под нами.

От этих слов холод прошёлся по спинам. ХИСы будто замигали, выдирая лица из темноты рваными тенями, глаза казались безумными. Мрак провёл ладонью по лицу: рука не дрожала, но нервы караванщика натянулись до предела.

– Да твою мать... – глухо сказал он, не глядя ни на кого.

Вонь гнили и палёного железа стояла в горле. Свет ХИСов будто стал тише, слабее. Всё вокруг жило своей жизнью: стены дышали, потолок вздрагивал, из тени доносился едва слышимый шорох.

– Так. Ладно. – Мрак выдохнул, проглотив мерзкий привкус страха. – Она ранена и сильно.

– Су-ка... – бормотал Грач себе под нос, как молитву, в которой больше злобы, чем надежды. – Ну какого праха. Сбросить панцирь... да пошла она...

Мрак быстро принял решение:

– Давайте глянем, что в ангаре дальше. Несса, беру на руки. Щитом закрою, сзади Никита. Не бойсь, слышишь?

Девушка качнула головой. Караванщик подхватил её на спину, щит лёг по дуге, смыкаясь над плечами и головой Анессы крышкой. Грач встал сзади, короткий сечь прижат к бедру.

Ангар встретил остовом твари: треснувший панцирь, рваные лоскуты мяса, чёрные смоляные подтёки и след, ведущий в сторону. Сладкий дух гнили смешался с гарью масла и горечью спирта.

– Держим строй. – глухо бросил Мрак.

Никита скривил губы, всё ещё шепча своё «су-ка», и ускорил шаг. Ангар с тушей остался позади, паутина растворилась в туманном свете ХИСов, только блики гасли догорающими углями.

– Шлюз, – прошептал Мрак, указывая на крохотный проём впереди.

Железная створка висела полуоткрытой, сквозь щель тянуло чужим холодом. Когда-то панель была герметичной, но годы превратили её в ржавый лепесток. Тварь прежде сюда бы не пробралась, панцирь не позволял. Теперь могла быть где угодно. Эта мысль молотом стучала в висках.

Сначала Мрак метнул внутрь ХИС. Палочка прокатилась, разливая зелёный свет по узкой камере шлюза. Сияние поползло по стенам, выгасив из темноты разводы ржавчины. Мрак пролез первым, щит выставлен, нож готов. Следом Анесса, прижимаясь к спине караванщика, тяжело дыша. Последним втянулся Грач, каждый шаг звучал глухим ударом, как метроном тревоги.

Зал оказался ещё больше прежнего. Зеленоватый свет ХИСов рассеял мглу, открывая гигантское кладбище техники. Перед ними стояли мёртвые машины, некогда грозные, теперь изломанные, покрытые трещинами и ржавыми язвами.

Вдоль стен громоздились фуры со сплюсненными колёсами и ободранными бортами. Между ними торчали грузовые платформы с вывернутыми каркасами, точно их ломали голыми руками. Слева чернел остов бронемашин: башня развёрнута, ствол врос в бетон, на броне следы когтей до сих пор зияли глубокими бороздами.

Троица осторожно двигалась по этому мёртвому лесу металла. Каждый шаг отзывался гулом, уходившим в бездонную пустоту. Мрак остановился у массивного бронекороба, провёл ладонью по шершавому металлу.

– Работало на убой. И сдохло вместе с хозяевами.

Анесса, прижавшись к караванщику, смотрела на мёртвые машины с тем же ужасом, с каким смотрят на кладбище. Голос прозвучал тихо, но отчётливо:

– Всё это... точно вымерший город.

В этих гудах металла не было жизни, только отзвук бойни, обрывки ярости и страха, застывшие в железе. И тени, слишком плотные, чтобы быть просто тьмой. Шли медленно, каждый шаг отдавался в костях гулким эхом, пока Анесса вдруг не зацепилась глазами за что-то странное.

– Смотрите... – прошептала она, указывая вперёд.

Посреди мёртвого леса остовов громоздилась гора, накрытая грубым брезентом. Она выделялась, стояла особняком, стянута плотными узлами. Её намеренно спрятали от времени. Узлы были сухими, но крепкими; ткань шуршала под пальцами, не хотела выпускать то, что скрывала.

Когда брезент отвалился, под ним показалась машина. Корпус залит толстым, грязным слоем технической смазки, засохшей местами до корки, но всё же сохранившей металл. Даже краска под ней проступала, законсервированная в янтаре.

Смазка счищалась плохо: липкая корка цеплялась за пальцы, пахла прогорклым маслом и гарью. Слой за слоем металл обнажался, тусклый, но живой. Наконец удалось отодвинуть створку для прохода, и троица втянулась внутрь. Люк захлопнулся с глухим эхом, и впервые за долгие часы за спиной у них было железо, а не пустота.

Внутри, в бардачке под заклинившей крышкой, Грач нащупал книгу в масляных пятнах. Толстая тетрадь в кожаном переплёте, страницы пахли машинным маслом и старой бумагой. Между ними лежала сложенная записка, написанная торопливой рукой. Чернила расплылись, но слова ещё читались.

«Транспортный состав так и не дошёл. Мы ждали две недели, потом месяц, потом ещё, но пути молчат, связь мертва. Никто не отвечает. Мы остались здесь, в гуле пустых ангаров, с машиной, которую некому запускать. Пироцелий достать негде, а без него эта железная тварь мертва так же, как и всё вокруг. Решили законсервировать. Это наш лучший проект, может быть, кто-то придёт и найдёт. Мы сами не выберемся. Знаем, что умрём здесь, и смазали машину до последнего болта, чтобы у неё был шанс, которого не будет у нас.»

Буквы под конец пошли неровно, обрывались, писавший уже не верил в свои слова. Последняя строка была короткой, как выстрел:

«Если кто-то это читает, запомните нас. Мы пытались.» Далее шёл длинный список имён.

Грач читал вслух, и каждое слово падало в ангар тяжёлым камнем. Троица застыла: сердце сжималось от невольной веры в чудо, но дыхание резал привкус отчаяния тех, кто писал эти строки накануне конца. В чернильных пятнах звучала чужая смерть, исполненный до конца долг.

– Они знали, что не выживут... – глухо произнёс Мрак.

– И всё равно оставили это нам, – добавила Анесса с дрожью в голосе.

Машина оказалась странной. Внутри просторнее, чем казалось снаружи: сиденья по бортам, ниши для снаряжения, место для отдыха. Ходовая непривычная, гусеницы вперемешку с массивными колёсами. Оценить броню у Мрака не получилось, странный сплав, а оружия не было вовсе, лишь гладкие поверхности.

– Чудная пакость, – буркнул Мрак, обводя машину глазами. – Но прочная. Двадцатку выдержит. А значит, тварь не проломит.

Грач и Анесса уселись рядом, развернув инструкцию под зеленоватым светом ХИСов. Пальцы девушки скользили по жирным, пожелтевшим страницам, офицер читал вслух, медленно переводя технический жаргон в понятное.

Мрак сидел чуть в стороне, опершись спиной о броню. В груди гудело, как в пустом бункере. Думал о том, что дальше: прорываться, ждать, искать выход. Впервые за долгие дни в голове мелькнула мысль о будущем.

Грач говорил сухо, отмеряя слова:

– Короче. Запустить можно. Нужен пироцелий, аккумулятор и либо дохрена электричества для компрессора, либо баллон. Аккумулятор – там. Картридж – тоже. Но воздух... – осёкся, нахмурился, с трудом находя слова. – Помнишь хлопок, когда твари распотрошили броневик? Баллон рванул.

Анесса дёрнулась. Лицо побледнело, глаза потухли.

– Да, слышала.

Тишина легла глухим грузом. Спасение, вот оно, рукой подать, и в то же время рассыпалось в прах. В ангаре искать сжатый воздух было бессмысленно: ни одна резинка, ни один клапан не пережили бы вековой срок. Грач сжал зубы, откинул голову к стене, уткнулся в неё затылком. Анесса закрыла глаза, плечи бессильно опали.

– Выход рядом..., а не дотянуться.

Мрак посмотрел на них обоих и вдруг, впервые за долгие дни, улыбнулся.

– Ну чего раскисли? – произнёс спокойно. – Я хребтом чувал, что рейд будет сложным. В багажнике броневика два баллона последнего шанса лежат, по литру. Может и хватить.

Сказал это буднично, будто речь шла о мелочи. Анесса замерла, моргнула, и лицо разом озарилось. Вскочила, игнорируя боль, схватила Мрака за шею и поцеловала раз за разом, горячо, боясь, что время украдёт этот миг.

– Господи, Мрак... – шептала, улыбаясь сквозь слёзы. – Я ведь тогда думала, что ты хлам тащишь. Как же я ошибалась.

Мужчина только обнял крепко, вдыхая запах её волос, и внутри разлилось что-то тёплое. Грач хмыкнул, но уголки губ дрогнули. Даже в этой тьме, среди ржавчины и смерти, у них появился шанс. Неважно, что пах безумием, главное, был.

– Ну и кто пойдёт? – сухо спросил Грач, прерывая миг радости.

Ответа не было. Мысль, висевшая над ними, не требовала пояснений: оставь Анессу одну, беззащитную перед тварью, или иди один к Рою и подпишешь себе приговор.

Анесса приподнялась, побледневшее лицо дрогнуло.

– Может... я останусь? – спросила тихо, но в голосе звучал вызов.

Грач медленно провёл ладонью по инструкции, будто ещё раз перепроверяя очевидное.

– Мрак, ну ты сам понимаешь. Тащить Нессу – глупо, она ранена. А одному ни картридж не снять, ни батарею.

Мрак сжал рукоять ножа, всматриваясь в тусклое сияние ХИСа за стеклом. Кто-то мог бы сказать, что принимать очевидные решения легко, караванщик хотел бы посмотреть такому человеку в глаза.

– Идём вместе. Одного Рой сожрёт, вдвоём сделаем.

Повисла пауза. Воздух тянулся гулкой нитью, сердце било ритм в висках.

– Хорошо, – наконец произнесла Анесса. – Но вернитесь. Слышите? Обещай.

Мрак наклонился к ней, сжал ладонь крепко, без слов, вложив в этот жест больше, чем мог бы сказать.

– Вернёмся.

Грач коротко усмехнулся, на лице мелькнули и согласие, и злость на самую судьбу, подкинувшую им этот выбор.

После короткого отдыха Мрак задержался у люка. В свете ХИСа его лицо будто высекли из тьмы: резкие тени, металлический отблеск в зрачках. Он нагнулся, коротко коснулся её губ, сухо, но с тем теплом, которое не нуждается в словах.

– Вернёмся. Во что бы то ни стало.

Ладонь легла на плечо Анессы, тяжёлая, уверенная. Потом шаги, и внутри осталась только тишина.

Анесса сидела в кабине законсервированной машины, прислонившись к холодному стеклу иллюминатора. Холод от металла пробирал до костей, но жар в боку не отпускал, жёг под кожей раскалённым клеймом. Она старалась не думать о боли, не считать минуты. Всё равно мысли возвращались к одному: где они? живы ли? найдут ли этот проклятый картридж?

Прошло много времени. Свет ХИСов стал тусклее, тьма нашла способ подступить ближе.

И вдруг тихий звук.

Цок.

Пауза.

Ещё. Цок-цок.

Анесса подняла голову. Шум повторился, теперь ближе: кто-то лёгкими коготками касался металла. Она замерла, глядя в мутное стекло. Оттуда отражались только собственные глаза и зеленоватое дрожание света.

Потом в глубине ангара шевельнулась тень. Что-то двигалось между остовами машин, неровно, с перебоями, как скрипучий механизм. Свет ХИСа на миг высветил существо, и сердце сжалось.

Это была та самая тварь. Меньше прежнего, с собаку, две из восьми лап волочились, оставляя за собой тонкие полосы пыли. Хитин побит, на брюхе расплозлось пятно, жало срезано: торчала култя, с краёв сочилась густая жидкость. Но жвалы дёргались мелко, нервно: существо не могло забыть, что оно убийца.

Монстр шёл, перетаскивая тело, останавливался, снова слушал. Поворачивался в сторону машины. ХИС у люка дрогнул, отбрасывая свет на плоскую морду с провалами вместо глаз.

Тварь замерла. Потом сделала ещё шаг к бронекорпусу, где внутри, за стеклом, сидела Анесса. Монстр пришёл за своей добычей. Для неё мир был прост: жало, яд, смерть, пир. Так было всегда, во все тёмные циклы короткой звериной жизни: ужалила, дождалась, пока тело успокоится, насытилась.

Существо шло к машине, волоча перебитые лапы. Цок. Скрип. Хриплый вдох сквозь трещину в панцире. Оно чувало: тот запах, тот пульс, дыхание, что когда-то уже принадлежало ему.

Паукобогомол ткнулся мордой в стекло. Тупой удар, звон по кабине, мутный след на иллюминаторе. Морда была сплошь в шрамах и трещинах, из которых капала густая жидкость. Жвалы подрагивали мелко, нервно. Изнутри головы вырвалось сиплое, дрожащее шипение, раздражённый вопрос, почему не открываешь?

Анесса вздрогнула, тело само отпрянуло к противоположной стенке. Она видела каждую деталь: блеск хитина, изломанные суставы, слизь, медленно растекающуюся по стеклу. Закусила губу до крови, чтобы не закричать, и всё же звук сорвался.

Монстр вздрогнул, отпрянул, будто отброшенный невидимой силой. Шипение оборвалось, и в следующее мгновение паукобогомол попятился, тяжело, неловко, ещё не веря, что добыча жива. Потрясённо застыл в нескольких шагах, повёл уродливой головой.

Тварь покачивалась на перебитых лапах у самой кабины. Тело дрожало, но в этой дрожи чувствовалась воля: монстр знал, зачем пришёл. Перед ним сидела жертва, и весь смысл его уродливого существования сходил теперь в этом крошечном отсеке за стеклом.

Монстр начал двигаться вдоль корпуса, ощупывая лапами металл. Каждое касание оставляло липкий след, когти царапали броню, хитин поскрипывал старым суставом. Тварь двигалась медленно, кругами, то замирая, то меняя направление.

Внутри машины Анесса сидела неподвижно, обхватив себя руками. Каждый шаг монстра, каждый шорох отзывался так, будто чудовище ступало прямо по её коже. Сердце билось неровно, срываясь и замирая, пот выступал на лбу, ладони стали липкими. Пыталась дышать ровно, но воздух обжигал горло, а боль в боку от каждого вдоха отзывалась вспышкой жара.

Анесса зажала рот ладонями, но дрожь уже выдавала её, бесконтрольная, сотрясающая всё тело. Мышцы сводило, сердце било в висках. Над собой она слышала, как что-то тяжёлое медленно перетаскивает себя вперёд.

В искалеченной памяти монстра всплывали старые картины: мёртвые двуногие, укрывшиеся в таких же железных банках; оно тогда вскрывало их, с хрипом, выламывая, пока не чувало запах крови. Сейчас всё повторялось: запах страха тот же, металл тот же. Тварь знала, что нужно делать.

Сначала Анесса думала, что чудовище просто бесится. Зверь, почуявший добычу и не способный добраться. Скрежет, удары, шорох по корпусу: всё это звучало привычно, почти объяснимо. Потом звук изменился, стал выверенным.

Анесса приподнялась, в груди леденело. Тварь не просто ползала, она искала. И вот: короткий металлический лязг, коготь подцепил ручку люка.

Сердце споткнулось, монстр потянул раз, другой. Шум стал почти человеческим: скрип, усилие, разочарование. Дверь не поддавалась, но происходящее было хуже любого удара. Тварь понимала, где вход.

Анесса прижалась к спинке сиденья, рот раскрылся в немом крике. Ноги ослабли, колени дрожали. Всё внутри протестовало против этой мысли: монстр не мог знать, что такое замок. Не мог, не имел права. Но знал.

Снаружи раздался сухой точный удар, потом ещё один, чуть ниже. Теперь чудовище било не куда попало, а именно туда, где корпус смыкался с замковым блоком. Удары шли ритмично, всё сильнее. Тварь копировала чей-то когда-то увиденный жест.

Анесса судорожно схватилась за подлокотники, обшаривая глазами приборную доску в поисках спасения. Но всё вокруг было мёртвым: старые индикаторы, потухшие лампы. Только удары снаружи были живыми, упрямыми, всё ближе к тому, чтобы пробить броню. В ноздри ударил кислотный запах, и она догадалась: тварь размягчает металл в районе замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.